

25 DECEMBRE 1937.

25 ДЕКАБРЯ 1937 г.

ПАРИЖ

ГОД ИЗДАНИЯ XI-й.

LES COSAQUES LIBRES

235

XIe Année

25 ГРУДНЯ 1937 р.

PARIS

РІК ВІДАННЯ XI-й.

М. Карам

Содержание:

1. Праздник 10-го декабря в Париже.
2. **Ходькевич-Сапсай:** На день славного десятилетнего юбилею нашего журнала «Вільне Козацтво».
3. **Анатолій Лаврухин:** В день десятилетия.
4. **В. Богданов:** Юбилей.
5. Трагедия Казачества.
6. **А. Ленин:** Ростовское восстание большевиков 26 ноября — 2 декабря 1917 г.
7. «Яик уходит в море».
8. Походному Атаману.
9. Ответ ген. Малышенко.
10. Казачья эмиграция.

С ПРАЗДНИКОМ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА И НАСТУПАЮЩИМ НОВЫМ ГОДОМ!

ВСЕХ ВОЛЬНЫХ КАЗАКОВ — КАЗАКОВ-НАЦИОНАЛИСТОВ И ВООБЩЕ ВСЕХ КАЗАЧЬИХ ПАТРИОТОВ, ТАМ, НА КАЗАЧЬЕЙ ЗЕМЛЕ ИЛИ В ССЫЛКЕ И ТЮРЬМАХ ТОМЯЩИХСЯ, ИЛИ В РАССЕЯНИИ В ЭМИГРАЦИИ СУЩИХ, ВСЕХ —

**ПОЗДРАВЛЯЮ С ПРАЗДНИКОМ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА
И НАСТУПАЮЩИМ НОВЫМ ГОДОМ!**

**ВЕРЮ, ЧТО ЭТОТ НОВЫЙ ГОД БУДЕТ ГОДОМ НАЧАЛА НОВОЙ БОРЬБЫ КАЗАЧЕСТВА ЗА
СВОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ.**

БУДЕМ ГОТОВЫ!

Походный Атаман ВК И. БИЛЫЙ.

СПАСИБО

ВСЕМ, ПОЗДРАВИВШИМ НАС С ПРАЗДНИКОМ 10-го ДЕКАБРЯ,

СЕРДЕЧНОЕ КАЗАЧЬЕ СПАСИБО!

**К БОЛЬШОМУ СОЖАЛЕНИЮ, НЕ МОЖЕМ ПЕЧАТАТЬ В ЖУРНАЛЕ ПРИ-
СЛАННЫХ ПОЗДРАВЛЕНИЙ — ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ИЗ-ЗА НЕДОСТАТКА МЕСТА.**

В недрах „оппозиции“

Так называемая «оппозиция» разлезлась... Для сведения нашим читателям можем сообщить о новом расколе, на этот раз — расколе самого «Центрального правления»... А именно: Братиславское «Ц. правление» исключило из своего состава «пражскую группу» — Федорова, Глазкова и др. Тогда эти последние образовали свое «Ц. правление» под председательством В. Г. Глазкова и при «контролере» С. Федорове. Пракское «Ц. правление», в свою очередь, исключило из состава «руководящего кадра» братиславское «Ц. правление» — г. г. Безуглова, Балыкова, Балинова, Голованского и С. Тищенко.

Пражское «Ц. правление» выпустило свой «Бюллетень Ц. правления ВК — казаков националистов» № 6. «Бюллетень» этот самым подробным образом «разоблачает» «братиславцев».

Сегодня вожди оппозиции в своих бюллетенях обвиняют друг друга в делах совсем некрасивых. Например, пражский «бюллетень» № 6 (от 15 ноября) на всех своих 20-ти страницах слишком густо пестрит обвинениями по адресу «братиславцев», вроде таких:

«Творцы провокационных актов», «мошенничество и надувательство», «обман и предательство»... «Более явного бесстыдства и неискренности нельзя себе и представить»... Поступки Безуглова и Балыкова считаются могущими «погубить» и самую идею национального возрождения Казачества... «Играть с такими вещами... преступно»... Братиславское «Ц. правление» «опорочило чистоту ВК идеи, произведя гнуснейшую провокацию нашего крыла»...

Вчера они друг друга превозносили. Сегодня ругаются взаимно во-всю. Вот, напр., г. Еременко (братиславский) «разоблачает» своих вчерашних товарищей по «работе»:

... «Свои обещания они (братиславское Ц. правление) не сдержали и всеми мерами умышленно и скрыто стремились свернуть наше казацье дело в подсобное предприятie монгольских интересов. Пользуясь нашим высоким доверием, они прямо спровоцировали казацьи стремления... Считаем преступлением перед Казачеством, если об этом не заявим открыто своим единомышленникам и хотя бы вкратце не опишем закулисную работу бывшей нашей «головки» (Безуглова, Балыкова, Балинова)».

По поводу одной анкеты г. Еременко пишет: «Началось самое гнусное жульничество и подвох с референдумом, рассылался даже ряд бумаг с поддельной моей подписью»... «Продолжается дальнейшее надувательство и предательство»... И т. д. И т. д...

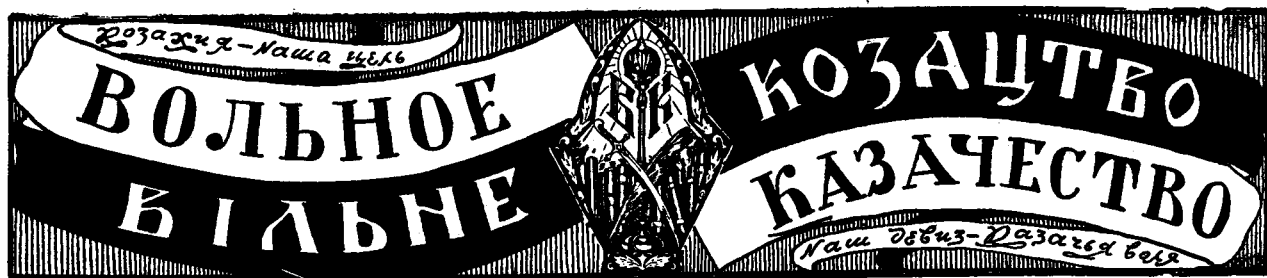
Читатель казак, ты видишь, чем и как кончается «оппозиция», организованная Балиновым, Балыковым, Федоровым, Безугловым, Кудиновым и др... «Оппозиция» провалилась, умерла... Сейчас покойники выносятся из своей избы вонючий сор, который и им нюхать больше не вмоготу... Теперь представляешь ты себе, читатель, что бы было, если бы этим господам удалось их замыслы, если бы они «овладели» ВК движением?

И потому, казак, — не верь больше никаким оппозициям — ни настоящим, ни будущим, как бы сладко они тебе не пели.

**ПЕЧАТАЕТСЯ ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
IV-ой ЧАСТИ**

„Трагедии Казачества“

Предполагаемая цена: во Франции: 25 фр. Заграницу: 1 ам. долл.

LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 109, rue Erlanger, Paris (16e)

№ 235

Суббота 25 декабря 1937. — Суббота 25 grudnia 1937.

№ 235

ПРАЗДНИК 10-ГО ДЕКАБРЯ В ПАРИЖЕ

Свой десятилетний юбилей редакция журнала «ВК» отпраздновала в субботу 11-го декабря. В этот день был устроен юбилейный банкет (в ресторане «Ле Турист», 85, авеню де ля Гранд Арме), на котором присутствовала в полном составе Парижская ВК имени А. И. Кулабухова станица, несколько вольных казаков из провинции, десятка два казаков (парижских), сочувствующих ВК движению, и гости — представители соседних народов, борющихся за свое освобождение.

Праздник открыл **Походный Атаман** кратким вступительным словом:

— Сегодня мы празднуем десятилетие выхода в свет первого номера журнала «ВК». День этот стал у нас, вольных казаков, нашим **национальным праздником**...

В этот день первое наше слово принадлежит тем казачьим патриотам, кто лал там в неравной (пока!) борьбе с оккупантами за долю и волю Казачества, тем нашим сструдникам и единомышленникам здесь, кто ушел от нас в лучший мир преждевременно... (Все встают).

Второе наше слов — слово приветия всем казачьим националистам, раскиданным по всему свету... Мы знаем, что сегодня они с нами, думают о нас и знают, что мы думаем о них...

Сегодня мы все вместе празднуем праздник казачьего национального возрождения...

Десять лет. 234-е номера — десять больших томов... В этих 234-х номерах есть частица души каждого вольного казака... В этих десяти больших томах — вся моя душа, мои нервы за 10 лет...

Что сделал журнал за 10 лет, — судите вы сами, пусть судят все вольные казаки...

Какие задачи он себе ставил, — об этом говорилось почти в каждом номере на протяжении 10 лет.

Десять лет тому назад, на празднике первой годовщины выхода в свет первого его номера, 10-го декабря 1928 года (см. № 26 «ВК» от 25 декабря 1928 г.) я так определял его задачи:

«Год тому назад вышел в свет первый номер журнала «ВК», поставившего себе ближайшей целью: **переориентировать Казачество на самое себя, внести ясность в казачий вопрос,**

поставить этот вопрос, вопрос об исторической роли Казачества и его исторической судьбе, как задачу саму по себе,

найти место и роль Казачества в будущем, бороться со взглядом на Казачество с точки зрения чужих интересов, бороться с точкой зрения служебной роли Казачества для кого бы то ни было и для чего бы то ни было,

формулировать смысл и содержание казачьей идеи, наметить казачью государственно-политическую

программу — поставить вопрос восстановления государственного бытия Казачества

и пробудить и усилить в Казачестве, прежде всего в нем самом, чувство своего достоинства, **пробудить жажду к жизни для осуществления своих политических идеалов, для развития своего национального я**...

Сегодня я мог бы повторить то же самое... А как журнал выполнял эти свои задачи, судите, повторяю, сами.

Пять лет тому назад, 10 декабря 1932 года, я говорил о первых пяти годах нашей работы, как о годах **формулировки нашей программы и годах пропаганды ее** — в первую голову, подчеркивая, что следующие пять лет придется посвятить преимущественно **организационной работе**. Сегодня, в день десятилетия, начиная третью свою «пятилетку», я так же открыто предупреждаю, что она будет для нас **пятилеткой борьбы за осуществление нашей национальной программы**...

В какой обстановке празднуем мы сегодняшний свой день? Есть ли у нас сегодня основания для оптимизма?

Европа постепенно перестраивается **против большевиков**... Как раз в этот момент в Риме хоронят Лигу Наций, где еще недавно большевики играли такую большую роль...

Не говорят больше в Европе и о «коллективной безопасности», в которой так заинтересована Москва. В Европе поставлен вопрос об упорядочении дел, касающихся только Европы. Москва же из Европы постепенно вытесняется, изолируется...

Москва не помогла Испании, хоть помочь и хотела. Не помогла и Китаю... Некоторые европейские державы делают из этого, несомненно, надлежащие выводы...

Положение в самой Сов. России не вызывает восторгов даже у ее поклонников. От бывшего динамизма не осталось и следа. Теперь там говорят только о защите, об обороне...

Никого не обманет во внешнем мире и предстоящая завтра комедия «выборов»...

Если положение в Европе и внутреннее положение в СССР, равно как и провал внешней политики Москвы последних годов, дают нам право быть **оптимистами**, то каково сейчас положение на нашем казачьем фронте? Каково положение у наших противников среди казаков?

Лагерь «русских казаков» — лагерь статический. Там было до сего времени **ожидание — неизвестно чего, и надежды — неизвестно на что**. Теперь уже там ничего не ждут и ни на что не надеются... Последние события в среде русской эмиграции больно ударили и по «русским казакам». Сим последним там не за что больше зацепиться и некому верить...

Все это должно прибавлять нам сил на нашем пу-

ти. Все это оправдывает нашу работу и программу ВК. Все это подтверждает правильность сделанного в казаками выбора и принятого решения.

Жизнь оправдывает и одобряет казачье национально-освободительное движение. Казачье будущее принадлежит казачьему национализму.

Такое же будущее принадлежит и тем соседним с нами народам, которые, так же, как и мы, борются за свое национальное освобождение и государственную самостоятельность. И, открывая сегодняшнее наше торжество, я предлагаю казакам приветствовать в нашей среде присутствующих здесь представителей национально-освободительных стремлений наших соседей... (Продолжительные аплодисменты).

Первый гост (встреченный криками Слава! и: Дай Бог!) Походный Атаман предлагает за успех ВК дела, за скорое осуществление ВК программы... — Все встают и исполняют Донской и Кубанский гимны...

А. И. Хатисов, представитель Армянского национально-освободительного движения, заявляет, что, к большому своему огорчению, он сегодня занят и не может остаться на празднике ВК, но он высоко оценивает казачье национально-освободительное движение, прекрасно понимает роль его в среде других народов, борющихся за освобождение, и потому самым искренним образом желает казакам и их Атаману успеха.

Короткое, но горячее слово армянского патриста произвело на присутствующих прекрасное впечатление... Дружными аплодисментами проводили казаки уходящего гостя...

Первым говорит потом атаман Парижской ВК имени А. И. Кулабухова станицы полк. **И. Н. Плахов**:

От имени Парижской ВК имени А. И. Кулабухова станицы поздравляю редакцию журнала «ВК» и всех ее сотрудников с 10-ти летним юбилеем и прошу принять самые наилучшие пожелания для дальнейшей плодотворной работы на благо Казачества. Я предлагаю выпить за здоровье организатора ВК освободительного движения, нашего Походного Атамана И. А. Билого, за всех его сотрудников, вольных казаков, а так же и за здоровье наших гостей, что почтили нас в этот торжественный для нас день своим присутствием. Слава! (Аплодисменты).

Профессор **О. Шульгин** говорит по українськи:

— **Козак** — велике слово на Україні. Від XVI в. і до кінця XVIII з ним зв'язана ціла наша історія. Коли знищено було автономію України, а разом і організацію козацьку, стан козацький все ж залишився. Це були прості селяне, але вони ніколи не знали кріпацтва і були свідомі та горді своїм походженням.

А як Січ зруйнували, частина Запорозжів пішла під турка, більшість на Кубань і там збереглися славі традиції Запоріжжя.

Вітаю ж тут нащадків славіних Запорозжів, а з ними і все Козацтво.

Говорю тут, як звичайний український громадянин, як член комітету приятні народів Кавказа, Туркестана та України. Жадних урядових мандатів не маю. Але політика наша добре мені відома, щоб я міг нагадати тут, що Україна завжди прихильно ставилася до козацького визвольного руху, а уряд український ще на своїй землі визнав незалежність Дону та Кубані...

За кордоном Козацтво шукає нових шляхів. Ви самі знаєте їх — це ваше діло. Ми знаємо: одні ще тягнуть до Москви, наші симпатії їм не належать. Другі стали на шлях самостійності, але одстоюють незалежність поодиноких країн — Дону, Кубані та ин. Треті — це ви, ваша ідея, ідея ВК, що прагне до з'єднання всіх козаків в одно ціле. Історія покаже, хто має рацію. Але в одному я певен: коли прийде час 12-й, коли збройно будемо боронити ми нашу ідею і наші землі, тоді ми будемо з вами разом...

Вірю в те, що ворог не посміє знищити ваших традицій, стародавніх козацьких звичаїв, звичаїв славногo Війська Низового Запорозького... «Смійся, враже, та не дуже», бо не вмерла ще козацька слава і памятаємо ми, з чим йшли наші предки в бій: «Або дома не бути, або слави здобути»...

Чорні хмари насуваються над Москвою, а над поневоленними народами сходить нова зоря і соняшне проміння освітіть скоро залиті кров'ю землі батьків наших... (Аплодисменты).

Представитель Азербейджанского национально-освободительного движения г. **А. Алибеков** говорит:

Друзья казаки! Сегодня вы празднуете десятую годовщину появления журнала «ВК» и мы счастливы принести вам и наши поздравления. Идея ВК для всех народов б. Российской империи, борющихся за свое освобождение, имеет большое значение. Если мы посмотрим на прошлое, которое сегодня является далеким прошлым, мы увидим, что казачий (наряду с другими народами Империи) народ был обманут и использован русским империализмом в своих целях. Действительно, куда бы не посмотреть на карту б. России — от степей Туркестана и до гор Кавказа, везде пролилась казачья кровь для присоединения к России других народов...

Но, сегодня мы видим, что положение изменилось. Казаки заявляют, что хотят быть свободными и, наряду с другими народами, борющимися за освобождение, подняли знамя независимости. Мы приветствуем это решение с тем большей радостью, что за этот период пропаганды идеи ВК мы констатировали большой прогресс, какой сделала эта идея в казачьей среде.

От всей души, от имени Азербейджанского национального центра я приветствую в лице вашего Походного Атамана И. А. Билого, все вольное казачество — наших осужников — завтрашних соратников, которые, плечо к плечу с другими народами, сомкнут с ними тесно свои ряды, пойдут отвоевывать свои священные права на свободное и независимое существование. (Аплодисменты).

Глава Туркестанского национально-освободительного движения г. **М. Чокаев** говорит:

— Часть племени туркестанских турок, к которому я принадлежу по рождению, сама себя называет «казак». (По старой русской терминологии «киргиз-казак» или еще — «киргиз-кайсак»)... Предки наши, недовольные некоторыми мероприятиями ханов Золотой орды под водительством двух младших своих ханов, ушли из пределов Золотой орды и направились в туркестанские степи, где и осели. Стали свободны и вслыны. Стали «казаки»...

Быть может поэтому мне особенно понятна ваше стремление к свободе и вольности национальной. Казаки, вероятно, знают, что первую статью о ВК движении в журнале «Прометей» написал именно я (имею в виду статью, посвященную выходу в свет 100-го номера вашего журнала)...

В вашем ВК движении для нас всех особенно важен его принципиально-национальный характер. На личной роли в этом движении И. А. Билого и ведомого им журнала я останавливаться не хочу — она слишком очевидна для всех...

Хочу припомнить сегодня и одну свою юбилейную дату. Ровно 20 лет тому назад, 11-го декабря 1917 года, мы, туркестанцы, праздновали первый раз день нашего «национального самосопределения» — провозглашение государственной автономии Туркестана. Я был одним из организаторов автономного движения и членом — даже председателем — правительства автономного Туркестана. И мне отчетливо вспоминается этот далекий уже день, день нашего «прошлого». Тогда мы, как и многие, — многие из нынешних самостийников, были только автономистами. Но мы, туркестанцы, были автономистами несколько особого рода. Провозглашая автономию Туркестана, мы предполагали, что назначенное созывом на 20-е марта 1918 г. Туркестанское Учредительное Собрание превратит эту государственную автономию в государственную независимость. Но, судьба решила иначе... Технически плохо подготовленные, мы не смогли удержаться и, просуществовав два месяца четыре дня, правительство наше пало. Мы только позже поняли допущенную нами тогда ошибку: надо было начать с провозглашения независимости... Автономия была данью нашего доверия к русской революционной демократии. Революционная демократия испытания не выдержала. Погибла и наша вера...

И теперешняя борьба, которая непрерывно ведется нашей страной вот уже 20 лет, ведется под флагом национальной независимости. На этом национально-освободительном пути мы встретились и с вами, вольными казаками.

Позвольте мне поднять бокал за процветание и успех вашего национально-освободительного идеала.

За казачью волю и свободу! За нашу и вашу общую свободу и независимость! (Дружные аплодисменты).

Слово представителя Грузинского национально-освободительного движения **А. С. Асатиани** (председателя Грузинской национал-демократической партии):

Господин Походный Атаман, г. г. вольные казаки и казачки!

Вам хорошо известно, что мы, представители наций, борющихся за освобождение от московского ига, следим с глубоким интересом за развитием вашего движения. Вам понятны также хорошо мотивы такого нашего интереса к возрождению и воссозданию казачьей государственности.

Ваш Атаман уже отметил в своем приветственном слове, что идеологическая база вашего движения была закончена уже в первое пятилетие вашей работы.

В этом большая заслуга самого Атамана и всех сотрудников вашего журнала. Но мы должны отметить также, что никакие таланты и энергия их не могли бы дать столь больших плодов, если бы сама казачья среда не представляла здоровой и плодотворной почвы для идей о вольной Казакции, о казачьем государстве. Свободолюбивые казачьи сердца сразу открылись для этих идей, ибо они всегда теплится в них под наносимым илом чужих им идей и настроений, чуждых и чужих идеалов и стремлений.

Вихри российских революций и гражданских войн уже смели этот ил и тем оголили былую казачью почву, казачью природу и душу.

Для работы по возрождению Вольного Казачества наступают весьма благоприятные условия и мы рады отметить, что г. Атаман и его соратники очень умело использовали эту обстановку. Идеи ВК уже утвердились в широких казачьих кругах. Уже не слышно былых насмешек и злобных выпадов против этой идеи. Они сменялись открытым одобрением или же молчаливым согласием...

Столь радикальный перелом в настроениях широких масс казаков явился неожиданностью для многих в самой же казачьей среде. Ведь, так много «привилегий» было у казаков в Русской империи, ведь так они были «обласканы» русской властью и русским народом! Отчасти, мы, грузины, тоже считались «обласканными» и очасливленными русскими царями. Мы, ведь, искали помощи и покровительства у России и наши цари заключил на этот предмет двусторонний договор с русским императорским престолом. Но, этот договор скоро был нарушен и (единоверный покровитель!) российский императорский престол разрушил грузинское государство, учевшее от бесчисленных войн и нашествий на протяжении двенадцати веков...

Единоверные «покровители» упразднили также самостоятельность старейшей Иверской церкви, сохранившей эту самостоятельность даже при бесчисленных нашествиях Чингис-ханов и Тамерланов.

Но, царская Россия все же уважала свою подпись на русско-грузинском договоре 1783 г. на протяжении 18 лет. Красная Россия не могла выдержать и 8 месяцев и в январе 1921 г. приступила к разгрому Грузии, которую она признала и с которой заключила договор о дружбе несколько месяцев тому назад...

...Несмотря на изумительный успех вашей работы, не скрою от вас, что я несколько скептически оценивал ее вначале для целей борьбы национальностей СССР. Но уже на празднике вашего пятилетия у нас уже имела вера в успех вашего дела...

Теперь же, к концу второй вашей «пятiletки», мы можем заявить с радостью, что наш скептицизм окончательно рассеян ходом развития вашей работы. Мы не могли учесть всей широты и глубины происшедших в казачьих массах психологических сдвигов и не могли предвидеть всего того, что происходит у вас. А происходит у вас явление, весьма отличное от того, что происходит вообще в эмиграции. Политические организации и группировки не выдерживали столь продолжительного отсутствия связи и живительного контакта с национальным организмом, с национальной жизнью, и вырождались... Держаться крепко лишь **национальные группировки**, связанные с настоящей борьбой за освобождение... До сих пор мы наблюдали, как возникали в эмиграции разные группировки и как быстро и бесследно они исчезали...

Совсем иную картину являет ваша работа. До-

статочно следить за вашим журналом, чтобы видеть это **накопление сил, организацию казаков**, принимающих идейную платформу ВК. Вашего Атамана особенно нужно поздравить за этот изумительный успех. В нем большую роль сыграл безусловно его организаторский талант и его журнал...

Когда идейный и психологический сдвиг в казачьих сердцах принял форму политического движения, политической организации, предназначенной для борьбы за освобождение казаками от ига Красной Москвы, это значит, что в семью народов, ведущих такую же борьбу, вступает новый член. С этим мы должны поздравить себя и наше дело, а вольным казачкам сказать: **добро пожаловать!**

За все эти годы нашей борьбы за освобождение от ига Москвы, мы встречались, конечно, с казаками и поддерживали с ними связь и контакт. В частности, уже при первых восстаниях в Грузии в 1921-1922 г. г. эта тайная связь дошла до Кубани и даже Дона. Но, в прошлом такая связь могла строиться лишь на одной и, по существу, самой слабой позиции — на **отрицании советского строя и режима**. Отныне наша связь как там, в наших странах, так и здесь, в эмиграции, будет строиться на **прочной базе общей борьбы за освобождение наших народов и за восстановление их свобод и государственности**.

Этот прочный союз и единение нужен всем нам не только для нашей борьбы за освобождение. **Он нам нужен будет и дальше для защиты наших свобод, для охраны наших государств от новых поплзновений той же самой Москвы...** История возникновения и расширения русского государства очень ясно и определенно выявила природу русского народа. Народ этот никогда и ничем не довольствуется, вечно устремляется туда, куда легче может потечь его лава. Народ этот не признает ни границ, ни договоров, ни норм правовых и моральных. Нашим народам придется общими усилиями воздвигнуть прочную плотину против этой разрушительной стихии и в этом величайший наш интерес.

Прошлое оставило нам хорошее наследие для создания прочного единения и наше настоящее и будущее имеет крупнейший общий интерес — **возвращение наших Национальных свобод и защиту их общими силами**.

Я поднимая боксал за здоровье г. Атамана и всего ВК движения, за наш союз и торжество наших общих идеалов! (Продолжительные аплодисменты).

Атаман Монтаржинский (Везин-Шалет) станицы **А. Н. Демченко**, говорит от имени своей станицы:

Батько Атаман! Десять лет тому назад раздался твой голос: **Казачество, проснись!** В 1927 году вышел первый номер журнала «ВК», на обложке которого были написаны святые слова: «Наш девиз — Казачья Воля, Казакция — наша Цель».

«Черный Всадник» с развернутым национальным знаменем понесся во все страны булить казачьих патротов от сна. Скачет он и туда, где 20 лет тому назад мы оставили свой Родной Край, оставили отцов, братьев, жен и детей. Слышат стоны зарубежное Казачество своих братьев и многотысячным эхом раздавалось в казачьей эмиграции: **под знамя ВК!** только оно, ВК, может спасти казачий народ от гибели.

С радостью в сердце поздравляем Вас, Игнат Архипович, как редактора первого казачьего национального журнала, — десятилетие неустанной проповеди которого сегодня мы здесь празднуем. Труден и тернист был Ваш путь, но казачьи патриоты оценили Вашу работу, избрав Вас своим Походным Атаманом. Они с Вами, сейчас Вы не один.

Ведите, Атаман, казаков к намеченной цели. Мы готовы. Теперь мы иначе разбираемся в политике, нежели 20 лет тому назад. В настоящее время мы умеем отличать друзей Казачества, но за 20 лет узнали и своих врагов.

В предстоящей борьбе за освобождение своих Казачьих Краев и создание Казакции у нас есть друзья и союзники. Это те народы, которые, так же как и мы, казаки, в русской неволе...

Когда настанет час борьбы за освобождение, казаки будут в рядах, над которыми будет развиваться знамя ВК.

Слава Казакции! Слава ВК! Слава Походному Атаману! Слава журналу «ВК»! Слава всем народам, ко-

торые борются за освобождение, как и казаки! Слава! (Продолжительные аплодисменты).

Слово атамана ВК имени полк. Е. Грузинова станицы в Кнютанже **А. Ивашкова**.

Дорогие братья, вольные казаки и казачки, а также присутствующие здесь представители народов, ведущих борьбу, вместе с нами, за свое освобождение. Я приехал к вам отпраздновать вместе с вами этот знаменательный день — юбилей 10-ти летия нашего ВК движения и выхода в свет первого номера журнала «ВК»... Я, атаман ВК имени Е. Грузинова станицы в Кнютанже, хочу передать от вольных казаков из Кнютанжа всем вам привет. Мы, вольные казаки в Кнютанже, крепко стоим на казачьем пути. Просим и вас так же крепко стоять на этом пути. **Глубоко верим в возрождение Казачества**. Вслушиваясь в сказанные здесь слова, замечаю, что много было сказано, много было уделено слов Походному Атаману И. А. Билесму и его работе...

За эти десять лет его заслуга безусловно велика, но я воздержусь от похвалы по той простой причине, что Походный Атаман прежде всего казак и, как казак, должен работать на благо Казачества. Оценивать его работы так же не собираюсь, ибо оценит его будущая казачья история. Наверняка он там займет первое место. За десять лет много он пробудил чувств казачьих, которые веками спали...

Припоминаю то время, когда у нас, в Кнютанже не было и помин о ВК движении. Но вот, в 1929 году прискакал и ко мне «Черный Всадник» и раздалось эхо по всему нашему району. Стал будить спящих казаков, проповедывать ВК идею. В помощь всаднику поскакал и я. Посыпался на мою голову камнями со всех сторон и от казаков и от русских людей нашей колонии. Стали меня ругать, не общались со мной, как бы боясь «заразиться». Стало бойкотировать меня местное духовенство, лишило права голоса при решении церковных дел. Но я, как крепкий самостийник, даже не возмущался, думая, что так и должно быть со стороны моих врагов. Я не устал, а больше поднял казачью голову, делал свое дело, пробуждая в казаках вольный дух. В короткое время казаки поняли свой путь, нашли казачий шлях. Образовалась ВК станица в Кнютанже. Сейчас уже с нами примирились все, даже здравомыслящие русские люди понимают, чего мы хотим...

Сегодня празднуется десять лет, как казаки работают на благо своего народа, на создание своего государства **Казаккии**.

Вы, наш бессменный Походный Атаман, Игнат Архипович, Вы один из первых подняли знамя, так не сите же его до конца! Мы, вольные казаки, глубоко верим Вам, всегда с Вами, верим, что ВК дело в хороших, крепких руках. Мы видим, что за 10 лет руководя ВК движением, Вы не поступились ни в ту, ни в другую сторону, а идете прямым казачьим шляхом прямо в Казаккию. Не так давно нас было мало, а сейчас нас тысячи. Читая наш журнал, видим все новых и новых членов. Этим мы будем крепки, если будем объединены. Вспоминаются мне статьи ген. Коноводова, где сказано, что мы, казаки, снимем распятую мать казачку со креста. С таким возглавлением ВК мы не пропадем...

Слава Казаккии! Слава Казачеству! Слава Походному Атаману! (Дружные аплодисменты).

Слово председателя Комитета Дружбы народов Кавказа, Туркестана и Украины **А. И. Чхенкели**:

— Друзья казаки! Я взял слово, чтобы приветствовать вас и поздравить вашего Походного Атамана с 10-тилетием редактируемого им казачьего национального журнала «ВК» от имени Комитета Дружбы народов Кавказа, Туркестана и Украины. Но до меня говорили здесь уже по тому же поводу отдельные представители Азербайджана, Грузии, Армении, Туркестана и Украины и мне ничего не остается, как присоединиться к их горячим пожеланиям вам и вашему святому делу.

Все же я привнесу один новый штрих ко всему здесь сказанному.

КАЗАК, по общему и давнишнему представлению, означает всадника большой отваги и храбрости. Его мы видим и на обложке вашего журнала с развернутым **новым** знаменем. Мы живем во Франции и вы знаете, что здесь слово «казак» как бы символизирует

безоглядную храбрость. И людей в кавказском национальном костюме тоже называют здесь «казаки», хотя и не все они казаки.

Но чего до сих пор не понимали и, может быть, многие и сейчас не понимают за границей, это то, что казаки претендуют быть не только хорошими воинами, но еще и хорошими журналистами. Ваше «ВК» тому блестящее доказательство. Вы стали конкурентами, хорошими конкурентами, нам, политическим эмигрантам других национальностей, в этой области. Вы мне поверите, надеюсь, как бывшему эмигранту еще царского времени, если я скажу, что перо не менее сильно действующее оружие для достижения своей национальной цели, чем те «инструменты», какие употребляются на поле брани...

Я назвал ваше знамя **новым**, ибо оно отличается от того прежнего знамени, под которым вас заставляли бороться за «белую» империю. Под этим же новым знаменем вы боретесь **против** «красной» империи. Большая заслуга «ВК» в том и заключается, что именно оно начертало, **первое**, на этом новом знамени **свободу и независимость всего Казачества**.

Вначале, может быть, некоторые из вас колебались, но за эти 10 лет неустанной работы вашего органа все колебания исчезли и я читаю на наших лицах радость и гордость... Вы имеете право и на ту, и на другую.

Я слежу за вашим журналом и знаю, как ваши ряды растут, как множатся станицы, примыкающие к вашему лагерю... Мы только что выслушали прекрасную речь одного из станичников, простого казака. Какою возвышенною любовью была она проникнута к казачьей воле, к казачьей государственности! Но, я вижу за этим столом не только простых казаков, но и генералов... Отсюда вы уже видите, на чьей стороне будет победа — на той ли, где еще продолжают славословить старую Россию, или на этой, где новое национальное знамя тянет столько бесстрашных казачьих патристов.

Ваш Атаман подразделил пройденный «ВК» путь на две «пятiletки»: первую — пропаганды, вторую — организационного строительства. Сейчас, сказал он, наступает третья... Я не думаю, чтобы вам или нам пришлось провести эту третью «пятiletку» целиком за границей. Не забывайте, что мы как раз накануне «сталинских выборов» в Советском Союзе, которые Игнат Архипович справедливо назвал **комедией**. Но они могут превратиться и в настоящую трагедию для сегодняшних временщиков Кремля... Внешний мир делает уже некоторые выводы. Делаем их и мы. Один из этих выводов тот, что третья «пятiletка» будет **пятiletкой действия**...

Я не скрою, друзья казаки, да и вы сами это знаете, что наша борьба не только **национальная**, но и **революционная**. Семена, засеянные вашим журналом, дадут революционные всходы во всех Казачьих Областях, а **национальный идеал**, которым они будут вскормлены, даст всему Казачеству смысл и способность для постройки **собственного суверенного государства**.

Я поднимаю бокал, от имени Комитета Дружбы народов Кавказа, Туркестана и Украины, за казачью свободу и ее вдохновителя «ВК» — в лице вашего Атамана. Мы, грузины, не знаем другого приветствия при встрече кого бы то ни было, как пожелать ему победы. Так я пью за вашу и нашу победу! (Продолжительные аплодисменты).

«Чернецовец», станичник **В. Г. Матеев**:

Братья казаки! Я извлек из глубины души тронут той высшей честью, какая мне оказана вами. Но, беда моя, что все мои первые начальники, как есаул Чернецов, сотн. Калиманов, есаул Коноводов, подесаул Шевырев и даже окружной атаман ген. Краснянский, учили меня лишь метко стрелять, а не учили говорить... Потому и оратор из меня неважный... Стрелять, вот, умею. Не хитрое дело хорошо стрелять, надо лишь иметь твердые руки да меткий глаз... Но, большее дело — иметь за собой умную голову, направляющую эту стрельбу...

Здесь есть представители Грузии, Армении, Азербайджана, Туркестана и Украины и не мне, молодому, указывать вам всем наши прошлые прегрешения и ошибки... А, честно говоря, вся наша беда заключается в том, что у нас не было взаимного доверия друг к другу...

Казаки не доверяли грузинам, — грузины не до-

веряли казакам и армянам. Армяне не верили азейберджанцам, — азейберджанцы армянам и т. д. Результаты всего этого — сидим все мы Заграницей на положении бесправных париев, а наши земли оккупированы нашим общим врагом.

Дай же, Боже, чтобы в наступающей близкой (я твердо верю, что это близко) новой схватке с нашим общим врагом мы все бы верили друг другу и шли бы стремя к стремени и локоть к локтю. Тогда наше дело будет выиграно всеми нами легко. Дай Бог! (Аплодисменты).

Ген. И. Н. Коноводов поднимает тост за казачку:

Говорили здесь много и уже все сказали о казачках. Я хочу сказать о том прекрасном существе, которому мы все обязаны своим появлением на свет. Хочу сказать о женщине, о казачке. Казачка — всегда верная помощница своего мужа, помощница казачку. Много раз она бывала ему помощницей и в бранной жизни. Она вела хозяйство, воспитывала детей, когда казак был «на чужбине далекой»... Она терпеливо выносила все невзгоды, которые так щедро рок посылал казачку. Пошла она с ним и в изгнание и здесь ему является помощником в борьбе с невзгодами житейскими, делит с ним и горе, и радость. Нужно ценить и беречь казачку, являющуюся такой же хранительницей казачьих традиций, как и сами казаки. Пью этот стакан за здоровье казачек, здесь присутствующих, и за тех, что отсутствуют, а также и за тех, что страдают там дома, в родных куренях.

Казачки дружно аплодируют ген. Коноводову.

От своего и от имени ВК имени ген. Старикова станицы в Ромба приветствовал юбиляра горячим словом ст. атаман М. А. Ассерецков (речь его, к сожалению, осталась не записанной).

Затем Походный Атаман предоставляет слово Е. М. Якименко, сопровождая это репликой, вызвавшей дружный, искренний смех и аплодисменты: «Слово просит секретарь редакции, подесаул Е. М. Якименко, тот самый, которого ругают, когда журнал получается неоправданно».

Е. М. Якименко говорит: Сегодня в речах представителей ВК организаций, приехавших из провинции, я подметил нотки грусти и обиды, что им там, в провинции, часто за исповедание ВК идеи приходится переносить преследования, угрозы быть лишенными даже работы. Все это проделывается русскими. так или иначе имеющими силу.

Здесь, в Париже, таких явлений нет. Бессильны здесь наши противники проявить к нам такие средства. Имеются у нас сведения, что во многих местах в провинции не сладко вам. Но, крепитесь, братцы, ибо мы сейчас в бою. А знаете, что воинский устав учит, что «если тебе трудно, то знай, что и противнику твоему не легче». «Сам погибай, а товарища вы-

ручай; лезь вперед, хотя бы передних и били». И вы мужественно выполняете это правило и все время стремитесь вперед, несмотря на опасности, несмотря на препятствия.

Известно и другое правило, что «смены в бою не бывает». Нет этой смены и нам. Нет этой смены и вам, ибо одно мы «войско» и за одно ведем борьбу.

Так вот, братцы, в бою смены не бывает. «Поддержка будет, смены — никогда», так учит воинский устав. И, действительно, поддержка нам, вольным казакам, все время прибывает. Так и передайте там, в провинции. Вместе с этой поддержкой, все мы пойдем на врага, в бой за Казачество, и отвоюем то, что ему принадлежит по праву, отвоюем Казачеству Волю.

Часы перевалили за 12... Надо кончать, хотя «кончать»-то настроения и нет...

В своем заключительном слове Походный Атаман благодарит, прежде всего, гостей (соседей) за приветствия и пожелания и выражает надежду, что не только на банкетах мы будем вместе, но, главное, будем рядом и вместе в недалекой уже грядущей борьбе против нашего общего врага за свое национальное освобождение, за свою — каждый — государственную самостоятельность.

Обращаясь к казакам. Походный Атаман подчеркивает важность и значительность в национально-освободительной борьбе такого оружия, как слово. В нашей прошлой борьбе оружие это отсутствовало. Только сейчас мы вооружаемся и этим оружием. Только сейчас мы понимаем, что такое пропаганда. Только сейчас мы знаем силу идеи, силу своей национальной программы...

Вооруженные знанием, вооруженные национальной идеей, вооруженные патристическим словом, вооруженные и современным оружием (в прямом смысле этого слова) борьбы, мы пойдем скоро в бой за Казачество, пойдем искать победу...

Овацией встречают казаки последние слова П. Атамана...

Несмотря на окончание официальной части банкета, войсковой старшина А. Кирий просит все же слова и взволнованно заявляет:

На правильном пути стоят вольные казаки... Всем видно, что происходит сейчас в мире... Мы не можем оставаться к тому равнодушными. Надо не упустить момента... Мы богаты... Двадцать лет там уже выкачивают наши земли большевики. (Общаясь к П. Атаману). Не останавливайтесь ни перед чем... стучитесь... Мы, казаки, дадим на борьбу свою физическую силу... Земля наша должна дать срастна на борьбу за свое освобождение... Ведите... Расплатимся... (Бурные аплодисменты).

...Неофициальная часть банкета закончилась в 2 часа ночи.
Записал: Еф. Якименко.

ХОДЬКЕВИЧ-САПСАЙ.

На день славного десятилітнього ювілею нашого журналу „Вільне Козацтво“

1927 — 10-XII — 1937.

1.

Гей, усім те на увазі,
Як у чеській славній Празі,
Ось минуло десять літ, —
У суботу, серед будня,
Десятого числа грудня
Наш журнал побачив світ.

2.

Вийшов гарний, порядненький,
У брошурі голубенькій,
Зверху напис навкосяк:
Журнал «Вільне Козацтво»;
За старих та й за юнацтво, —
Щоб читав його усяк.

3.

А редактор його Білий,
Та Фролов (давно покійний), —
Наші славні козаки:
Той з Кубані, другий з Дону,
Наробили скрізь трезвону, —
Всім далися у знаки.

4.

Що було скрізь лайки й крику!
На Європу всю велику
Верещали вороги:
— Самостійники — не люде!
Розігнать їх треба всюде, —
Постинать всіх до ноги! —

9.

Подай, Боже, йому сили,
Та щоб всі його любили,
Ще й козацький довгий вік;
А у Війску й на поході,
У совіті та в роботі —
Журавлиний дужий крик!

5.

Всі з журналу насміхались,
Самостійности цурались
І такий дали присуд:
— Ми гуртом його здолаєм,
Заклюєм і заштовхаєм,
Буде враз йому капут!

6.

Так проходив рік за роком.
Наш журнал, поважним кроком,
Прожив мирно десять літ;
Скрізь про волю він співає,
Добру й правді навчає,
І став славен на весь світ.

7.

А усі оті журнали,
Що без толку верещали,
Де вони? — Давно нема!
Всіх взяла нечиста сила,
Смерть косою підкосила,
І покрила все пільма!

8.

Гей, складемо ми всі пошану
Редактору й отаману,
Що козацьким Батьком став;
Що про всіх він піклувався,
День і ніч робив, старався,
Ще й пернач у руки взяв.

АНАТОЛІЙ ЛАВРУХИН.

В день десятилетия

(Конспект доклада, сделанного на станичном сборе в Софии по случаю 10-тилетнего юбилея журнала «ВК»).

Казачество, как народ, имеет свою особую историческую судьбу.

От начала своего существования и до наших дней оно должно было вести непрестанную, упорную, героическую борьбу. В далеком прошлом большая часть нашей земли обильно поливалась кровью. Неоднократно народ наш уходил в эмиграцию... Смертоносный обруч чужих посягательств все время теснил казаков и отрезывал живые части от его тела.

Большими испытаниями, страданиями и крайним напряжением сил в защите своей земли и свободы покрыты дороги Казачества и в его историческом прошлом.

При разборе прошлого и мыслях об участии Казачества, всегда сжимается сердце и встает один и тот же вопрос: «До каких же пор так будет?».

Но, вера в торжество правды и добра, вера в самосохранение и наше национальное возрождение берет всегда верх.

Эта вера, вера в будущее Казачества поддерживалась и переходила из рода в род, от поколения к поколению...

В различные периоды исторической жизни Казачества рождались у него достойные сыны. В них то и отражался всегда казачий народный гений и они первые поднимались на защиту нашего народа от внешних бед. Они были носителями, вдохновителями и выразителями казачьих стремлений. Эти избранники начертали мировую межу общеказачьего подвига и связали народ наш с вечностью. Они охватывали своим пророческим прозрением стремления Казачества, оформляли их в программы и идеалы, для достижения которых должны работать и грядущие поколения.

Эти смелые возвестители указывали Казачеству на опасности, грозящие ему извне и изнутри, пробуждали сознание, укрепляли дух и вели казачий народ к более светлым дням. Они не падали духом перед невзгодами и опасностями, а, наоборот, препятствия делали их еще более смелыми и сильными.

Эти личности оставляли после себя заветы — плоды их благородного духа. Их дела представляют для нас неисчерпаемый источник упований и надежд на силу и веру в мощь Казачества. Их дела — наш мо-

ральный капитал, из которого мы обязаны черпать необходимый, когда строим настоящее и бросаем свет на будущее...

— «» —

1917 год. Страна наша была втянута в чужую, неравную борьбу и... пала. Насилия, издевательства и произволы залили нашу землю. Все зажили в мучениях. Малая часть нашего народа ушла в эмиграцию и расплылась по земному шару...

Но, не погас казачий дух. Во время тяжелых дней оккупации там и в эмиграции здесь, народ наш не растворился в чужой массе, а устоял и удержал свое казачье лицо. Его блестящий образ развернулся во всей своей полноте на темном фоне настоящего...

В 1927 году рождается, в одной из столиц Европы, глашатай казачьей национальной мысли — «Вольное Казачество». Под его крыльями стало собираться все национально мыслящее Казачество. Наряду с известными личностями, становится и тот «неизвестный казак», который неоднократно полил своею кровью родную землю. И если необходимо выразить признательность или возвеличить и увековечить подвиг отдельной личности, то необходимо подчеркнуть и дела «неизвестного казака», который, сгорбившись от непосильного труда, поллеживал все время с примерным терпением священный огонь национально-го строительства и все время обращал и обращает свои взоры к родным берегам.

Скромный учитель зажег от этого огня пожар общеказачьего под'ема десять лет тому назад. Он позвал казаков на работу за Казачество и для Казачества. И в первый же год появились силы, готовые идти на гигантскую борьбу за независимость. Образовываются станицы, хутора и т. д. Казачество стало об'единяться. Стало освобождаться от всего чужого, наносного...

Зашумел майдан. Забурлила жизнь. Но, появились властолюбцы и стали раздирать Казачество. Нарпались другие организации, но вскоре же и хоронились втихомолку, никем не оплакиваемые. О многих таких организациях можно сказать, что они «пропали без вести», т. к. сами их организаторы не знают, как и когда им пришел конец. Это явление объясняется лишь недостатками и недугами в нашем характере, печальствие которых отвлело бы нас сейчас очень далеко.

Обще-казачье же национальное движение ВК представляет собою счастливое исключение. Основанное 10-го декабря 1927 года, оно живет и работает безостановочно вот уже десять лет. Оно еще, может быть, не есть то, чем рисовалось в мыслях его учредителей, но оно пустило широко и глубоко корни в казачьей среде. Оно показано нам, что может сле-

датель народ при опасных поворотах над пропастью, когда силы его направлены на строительство народного благополучия...

Оно научило нас, что место и крепость каждого народа в истории определяется степенью его национального самосознания.

Устойчивость Казачества в прошлые века, достижения его в прошлом и настоящем — живая народная совесть, выразителем которой является опять таки только ВК.

Оно нам вешает, что сегодня, больше чем когда либо, нам необходимы силы духовные, нравственные и физические. Нам необходима вера друг в друга, вера в правоту нашего дела.

Своими достижениями ВК обязано прежде всего казачьим националистам, часть которых уже ушла в потусторонний мир и которых ВК всегда с прискорбием на душе вспоминает в день своего национального праздника. И сейчас, невольно вспоминая их, прошу почтить их память вставанием. (Все встают).

Вечная память ушедшим героям, — вечная слава героям живым!

Обязно ВК и вам, здесь присутствующим. В этом движении есть и капля вашего. ВК — наш общий дом, интересы которого мы все обязаны защищать.

Нет сомнения, что за эти 10 лет работы на национальном поприще зарубежом, больше всех сделано редактором журнала «ВК» — ныне Походным Атаманом ВК.

Являясь серьезным соперником и противником мелких, тщеславных властолюбцев, он является для них объектом всевозможных «обвинений».

Мы же, казаки националисты, зная цену каждому из них, не должны обращаться на их истерические крики никакого внимания. Мы должны знать, что ВК, несмотря на усилия противников похоронить его, живет и будет жить. (Аплодисменты).

Мы знаем, что только журнал «ВК» заглянул во все уголки света. Он проник в трущобы Балкан, где в их недрах бьется казачье сердце современного рудолопа. Он побывал в стране восходящего солнца, пересек далекие страны Америки, раскаленные пески Сахары, Австралию и т. д. О Европе нечего и говорить. Только в журнале «ВК» красноречиво изображена трагичная судьба нашего народа. Необыкновенный его восход до наивысших точек национального под'ема, когда Казачество бывало единым и — его стемглавные падения, — когда оно бывало раз'единенным.

Только журн. «ВК» описал этическую борьбу нашего народа за свое политическое освобождение в годы 1917-1920.

Что сделали другие?

В. БОГДАНОВ.

Ю Б И Л Е Й

Из хаоса страшной борьбы возродилось Казачество.

1917 год. Революционный пожар красным, необ'ятным и всеуничтожающим пламенем охватил всю ширь бывшей «составной» Российской империи, в том числе и Казачьи Земли. Зашатался и рухнул трон русского монарха, а вместе с ним развалилась и расползлась по всем швам и обветшавшая постройка Российской империи. Анархия и разбой воцарились всюду, неся с собой смерть и опустошение, уничтожая на своем пути законы, право и порядок, а на их место водворяя господство произвола и грубого насилия.

Подобно саранче, ринулись красные орды в Казачьи Земли, огнем и мечом уничтожая все. Дрогнула и застонала Казачья Земля под жестоком, все разрушающим напором красного палача. Запылали утопавшие в зелени станицы и хутора. Все стихло... И только в треске огня непрерывно раздавались душу раздирающие вопли и скрежет зубовый насилуемых и пытаемых красными хамами казачьих матерей, жен и сестер. Опыянный кровью, обнаглевший враг творил свое гнусное дело.

Не вынесло Казачество столь диких пыток...

Началась жестокая и упорная борьба не на жизнь,

а на смерть. Эта борьба была первым экзаменом на аттестат политической зрелости казачьей нации и этого экзамена Казачество не выдержало.

Причина неудачи — **политическая неподготовленность**. Казачьи правительства и Войсковые Атаманы были в полном смысле политическими недорослями и, — что еще хуже, — им чужд был казачий патриотизм. Войсковые Атаманы целиком «повернулись лицом» к «белым» русским генералам, которые делали все возможное, чтобы заставить Казачество идти по пути «Единой неделимой».

Войсковые Атаманы и правительства, отказываясь вести казачью политику и борьбу Казачества за свое освобождение, слепо подчинялись «белым» генералам и охотно шли по указанному пути.

Пока борьба происходила на казачьей территории, Казачество успешно боролось и изгоняло оккупантов, т. к. оно, отдавая все свои силы на эту борьбу, знало, за что оно боролось.

После упорного усилия, Казачество выгнало из пределов своей родины врага, а, освободив ее, оно считало, что главный период борьбы закончен и даль-

ше своих границ казаки идти не были намерены, не желая лить свою кровь за чужие интересы.

Но, посыпавшись приказы и призывы к Казачеству от своих и чужих — наперечь свои силы и помочь «белой армии» освободить «матушку Россию» от ига красных насильников, ибо Казачество, как неотъемлемая часть России, должно выполнить свой «долг» перед ней...

Казачество, чувствуя, что его ведут на убой за чужие интересы, все же шло за Атаманами. с горечью в сердце чувствуя, себя оставленным всеми и что некому подать голос в его защиту и поднять руку, чтобы остановить его гибельный марш.

К счастью, в казачьих рядах нашлись настоящие казачьи патриоты, которые, увидев, к какой катастрофе ведут Казачество Атаманы, смело и громко подали свой голос, указывая, что интересы Казачества на его родине, а не в Москве. Они говорили, что перед Казачеством, как перед народом, освободившим свою родину собственными силами, в первую очередь стоит первостепенной важности вопрос — немедленно приступить к организации защиты своих границ и устроиться своей государственной самостоятельности.

К несчастью, голос этот услышан не был.

«Белое» командование, увидев, что среди Казачества его национальный вопрос начинает выявляться все больше и больше, поняло, что в лице казачьих патриотов оно имеет опасных врагов, могущих своим влиянием на казаков окончательно вывести их из подчинения и тем разрушить замыслы его о спасении «Единой-неделимой» казачьими силами.

В силу этих соображений, «белое» командование решило убрать со своей дороги казачьих патриотов.

Отлично зная «телячью покорность» Войсковых Атаманов, готовых всегда в точности выполнить его приказание, «белое» командование, не долго думая, прикрикнуло на этих своих «верных ординарцев», указывая, что политика казачьих самостийников ему очень не нравится, т. к. является пагубной для национальной России, что оно видит в этой политике измену «общему» делу...

Если Атаманы и не расправлялись лично с казачьими патриотами, то зато они были прямыми помощниками и сообщниками убийц и палачей не только казачьих патриотов, но и всего Казачества.

Казачество, смертельно обожженное в своих национальных чувствах дикой расправой над своими избранниками, начало уходить с чужого фронта, отказавшись бороться дальше и класть свои головы за интересы тех, кто, спасаясь от своих «красных», нашли гостеприимный приют на казачьей родине и, вместо благодарности за этот приют, зверски расправляется с его избранниками в его же собственном доме.....

И вновь дрогнула и застонала мученица — Казачья Земля от упершегося в ее грудь красного лаптя. Еще с большей яростью и бешенством загулял красный «социализмоносец» по казачьим станицам....

— «» —

Оставляя свою родину, Казачество считало свое поражение только физическим и то лишь временным. Уходя за рубеж родной земли, оно унесло с собой и свою политическую идею и намерение — за рубежом вновь реорганизовать и объединить свои силы к новой борьбе за освобождение своей родины от оккупантов.

Несмотря на жестокие удары судьбы, выбросившей его за рубеж родной земли, казак не растерялся и не пал духом. Закаленный в борьбе и обладающий способностью здраво рассуждать, быть хладнокровным и быстро ориентироваться в окружающей обстановке, казак в первые же дни своего изгнания быстро начал приспосабливаться к жизни в совершенно новой и чужой для него обстановке.

Очутившись за рубежом, казаки знали, что борьба с оккупантами их родины не окончена, что она продолжается и будет продолжаться до тех пор, пока Казачество эту борьбу не выиграет. Но, находясь разрозненным, оно знало, что при таких обстоятельствах вести борьбу и выиграть ее невозможно. Не теряя времени, казаки приступили к организации станиц и хуторов, что сразу же сделало жизнь казаков эмигрантов совершенно обособленной и не похожей на жизнь русских беженцев и эмигрантов.

Первое время пребывания за рубежом казаки оста-

вались верны своим выборным Войсковым Атаманами, т. к. верили, что Атаманы, стоя на своих высоких постах, будут свято исполнять свой долг по отношению к Казачеству. Но, казаки ошиблись, веры их Атаманы не оправдали.

Войсковые Атаманы предоставили казаков самим себе и предпочли отдать себя на служение чужому делу.

Скоро началось распыление казаков, грозившее превратиться в новую катастрофу. Но, несмотря на все удары судьбы, Казачество все же продолжало упорно сопротивляться грозившей опасности быть низвергнутым еще раз в пропасть... Нашлось не мало патриотически настроенных казаков, которые увидели, что Казачеству грозит серьезная опасность «де-национализации».

Начали нарождаться разного рода и под разными вывесками казачьи группировки. Но организаторы подобных «спасательных» группировок, создавая таковые, забыли одну истину: создать — одно, а удержать, увлечь и поднять на высоту национального сознания, чтобы организация жила, развивалась бы и крепла, — это совсем другое. Для этого нужна была уже **национальная казачья программа**, преследующая освобождение и возрождение **самостоятельной казачьей государственности**. Этого они как раз и не имели.

Созданные наспех группировки и организации так же быстро исчезали одна за другой, как и нарождались.

Хаос политики руссофильствующих политиканов из «бывших» казачьих водителей довел Казачество и здесь, за рубежом, до того края пропасти, когда ему не оставалось почти ничего другого делать, как ринуться головой вниз... Даже время такого падения уже исчислялось не часами, а минутами.

Но, казаки продолжали верить, что час их смерти еще не настал — крепка и сильна была их вера в свою жизненность. Эта вера их не обманула. Подобно солнечному свету, внезапно прорезавшему тьму, перед Казачеством явился его спаситель в лице «Черного Всадника»...

— «» —

В атмосфере антиказачьей политики разного рода группировок, утром нарождающихся и вечером отдающих Богу свою грешную душу, — 10-го декабря 1927 года появилась и выросла новая казачья организация — ВК национально-освободительное движение — с лозунгом: «Наш девиз — казачья Воля, Казак — наша цель».

С первого же дня возникновения этого национального движения и выхода в свет первого номера журнала «ВК», новая организация своим появлением пробудила национальный дух и патриотизм и привлекла к этому движению все живые элементы национально-мыслящего Казачества. Журнал «ВК», как официальный орган ВК национально-освободительного движения, начал привлекать внимание казаков все больше и больше. Журнал «ВК» первый заговорил с казаками их родным языком.

Журнал «ВК» первый рассказал казакам **казачью правду**. Показал им подлинную их казачью историю и громогласно заявил, что Казачество есть не потомки русских беглых холопов, как об этом говорит русская история, не сословие, а отдельный казачий народ-нация, предки коего жили самостоятельно на своей казачьей родине.

Первый номер журнала «ВК», поведавший казакам настоящую казачью правду и подлинную историю их предков и борьбу последних за Волю и Долю казачью, громко призывал всех страждущее в тяжелом изгнании Казачество:

во имя будущего Казачества! Во имя чести родного Края! За Волю и Правду! За поруганный и разрушенный покой Казачьей Земли! Во имя страданий братьев казаков в красном плену! За казачью родину Казак! — **объединитесь под сенью национального казачьего флага** и дружно, как один, станьте на путь борьбы за освобождение всего Казачества, за его государственную самостоятельность, за **Казакую!** Только на своей освободленной родине, только там истрадавшееся Казачество найдет свое полное благополучие мирный труд и тихий покой.

Как эхо, разнесся этот призыв по всем уголкам земного шара — местам рассеяния казаков. Обрадо-

вались казаки, услышав голос своего казака патриота. Проснулось национальное чувство и гордость казачьи. Всклыхнулись национально-мыслящие казаки и дружно стали под сень национального казачьего флага, радуясь, что национальный дух и честь казачья спасены.

Вот что сказал десять лет тому назад журнал «ВК». Вот о чем уже десять лет неустанно говорит Казачеству глашатай его Воли и Славы. Вот на какой путь зовет он казаков — **на путь борьбы за свое освобождение, за свою Волю и правду.**

Празднуя ныне день 10-го декабря, отмечаем особую важность сделанного им уже большого дела казачьего национального пробуждения.

Десять лет журнал «ВК» ведет национальное Казачество к берегам его родной Казакки, ведет не узкой тропой, кем то протоптанной, а по исконному историческому казачьему шляху, проложенному издревле казачьей историей. Это направление, раз взятое прямо на родину, будет и впредь соблюдаться национальным Казачеством при поддержке и под управлением «Черного Всадника».

Все эти годы журнал «ВК» вызывал в душе казака образ его родины, ныне плененной и повергнутой в хаос нищеты, рабства и пыток. Журнал «ВК» разделял с Казачеством, кому дорога его родина, острую боль за нее — собранную многовековыми трудами и жертвами славных его предков — дедов и прадедов.

Журнал «ВК» стоял и продолжает стоять на страже национального казачьего имени, его мощи и чести. Оберегал и продолжает оберегать достоинство славы и казачьей доблести. Отмечал и продолжает непрерывно отмечать казачье творчество и развивает казачью литературу. Боролся и продолжает неутомимо бороться за **объединение всего Казачества под сенью национального казачьего флага.**

Это десятилетие в трудных условиях жизни за рубежом может быть названо действительно честным служением Казачеству и делу возрождения его самостоятельной государственности.

Просмотрев и проследив десятилетний путь журнала «ВК», ясно видишь, какую громадную работу выполнил он за эти годы.

Журнал «ВК» является для каждого казака националиста его **настойной библией** и проповедником независимой национальной казачьей мысли.

Слава Богу, что Казачество имеет **верного проводника**, ведущего его по широкому историческому казачьему шляху на его родину.

Блуждавшее по многим и неизвестным путям Казачество, в конце концов, осознало себя, обрело свое национальное лицо и нашло свой исторический путь — **казачий шлях.**

Слава журналу «ВК» — органу казачьей национальной мысли, смело ставшему на защиту прав всеобщего обездоленного Казачества. неустанно напоминающему ему о долге перед своей родиной и зовущему к тому братскому единению, которое только и принесет нам лучшие дни.

Слава редактору журнала, что не дает угаснуть в казачьей душе искре национального чувства!

Слава Походному Атаману ВК, который, стоя выше всяких политических ссор и пересудов, в течение минувших десяти лет своей непоколебимой энергией, крепким национальным духом и патриотизмом, безошибочно вел ВК к раз поставленной цели. Своей неутомимой работой, давая пример нам всем, Походный Атаман проявляет неослабную энергию, стремясь объединить вокруг ВК национально-освободительного движения в один крепкий монолог все здоровые элементы национально-мыслящего Казачества, готового отдать все свои силы на служение своей казачьей родине. Благодаря Походному Атаману, активная деятельность ВК распространилась по всем уголкам земного шара, собирая казаков во-едино, чтобы в нужный момент Казачество было готово к предстоящей борьбе.

Слава всем казачьим писателям и писательницам, поэтам и поэтессам, сотрудникам и сотрудницам журнала «ВК», всем баянам и гусям серебристым! Всем крепким, сильным и мудрым, что своими творениями и песнями будят и зовут казаков на борьбу за казачьи национальные идеалы.

Слава нашим братьям казакам и сестрам казачкам, в плену красном прабывающим, от казни и пыток страдающим, но не потерявшим мужества и продолжающим борьбу за родной порог и угол, за свое казачье имя, за свой край родной — там, под оккупантами.

Слава журналу «ВК»! Слава Походному Атаману! Слава Казакки!

Трагедия Казачества

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

ЧАСТЬ У.

(Апрель-ноябрь 1920 г.).

ГЛАВА II.

Генерал Врангель. Отстранение от должностей командира Донского корпуса ген. Сидорина и начальника его штаба ген. Кельчевского. Роль Атамана Богаевского.

22 марта 1920 г. ген. Врангель заменил ген. Деникина на посту главнокомандующего.

Врангель был охвачен безмерным честолюбием. Приписав исключительно себе успехи казачьего оружия в борьбе с сравнительно плохо организованными многотысячными «армиями» большевики настроенного неказачьего населения Северного Кавказа в конце 1918 и в начале 1919 г. г., приписав себе победы казаков над X-й советской армией на реке Маныче в 1919 г. и на реке Волге в первой половине лета того же года, ген. Врангель уже летом 1919 г. повел упорное и систематическое наступление на Деникина, стремясь занять пост главнокомандующего.

12 декабря 1919 г., на станции Ясиноватая ген. Врангель открыто предложил командующему Донской армией ген. Сидорину совместными усилиями «свергнуть» Деникина. Подобные попытки делал Врангель во второй половине декабря того же года на Кубани и на Тереке, а также в январе-феврале 1920 г. в Крыму.

Всеми способами заискивая перед представителя-

ми Англии при Деникине и стараясь настроить их против главнокомандующего, в то же время ген. Врангель вел секретные переговоры с немцами... Однако, это последнее обстоятельство не помешало Врангелю вновь появиться в Крыму 21 марта 1920 г. в качестве «протееж» Англичан.

Став, наконец, главнокомандующим, ген. Врангель начал направо и налево диктовать свою волю.

Говоря о политике своего предшественника — ген. Деникина и его «Особого Совещания», ген. Врангель не жалел острых слов. Так, представителям печати он заявил следующее:

...«Теперь о причинах наших бывших неудач. Причиной эти чрезвычайно разнообразны. Резюмируя их, можно сказать, что стратегия была принесена в жертву политике, а политика никуда не годилась. Вместо того, чтобы объединить все силы, поставившие себе целью борьбу с большевизмом и коммуной, и проводить одну политику «русскую» вне всяких партий, проводилась политика «добровольческая». Дралась с боль-

шевиками, дрались с украинцами, с Грузией и Азербейджаном, и лишь немного не хватало, чтобы начать драку с казаками, которые составляли половину нашей армии... В итоге, провозгласив единую, великую и неделимую Россию, пришли к тому, что разделили все антибольшевистские русские силы» (Врангель. Записки, т. II-й, стр. 43).

О других русских и казачьих генералах и даже о своем ближайшем помощнике в деле борьбы с казачьей самостоятельностью, ген. Покровском, Врангель отзывался следующим образом: «...Развал (в Крыму) достиг и верхов армии. **Политиканствовали, интриговали, разводили недостойные дразги и происки.** Благородная почва открывала широкие поле деятельности крупным и мелким авантюристам. Особенно шумели оставшиеся за бортом, снедаемые честолюбием, выдвигнувшиеся не по заслугам генералы: бывший командующий Кавказской армией ген. Покровский, ген. Боровский; сподвижник грабительского набега генерала Мамонтова, его начальник штаба ген. Постовский. Вокруг них собиралась шайка всевозможных проходимцев, бывших чинов многочисленных контр-разведок, секретного отдела Освага и т. п.» (там же, стр. 17).

При разборе предшествующих событий в соответствующих местах было уже отмечено, с какой ненавистью относился Врангель к казачьему освободительному движению, как он упорно боролся с проявлениями стремлений Казачества к укреплению казачьей государственности: он затевал государственный переворот на Кубани еще в ноябре 1918 г., т. е., в то время, когда еще и двух месяцев не пробыл на Кавказских Землях; опираясь на безвольного Кубанского Атамана Филимонова и на военного министра Кубани ген. Науменко, Врангель сделал все, чтобы не допустить организации Кубанской армии; чины из «Отряда особого назначения» Кавказской армии, во главе которой тогда стоял Врангель, 14-го июня 1919 г. убили в Ростове председателя Кубанской Краевой Рады Н. С. Рябова; в ноябре того же года Врангель осуществил переворот на Кубани и повесил члена Рады А. И. Кулабухова...

В своих «Записках» Врангель зафиксировал весьма характерные для него обстоятельства, непосредственно предшествовавшие принятию им власти в Крыму. Созванный ген. Деникиным **Военный Совет** в г. Севастополе 22 марта 1920 г. решал вопрос о выборе заместителя Деникину. Врангель выступил на этом Совете с программной речью, после чего вышел с заседания, прошелся по улицам Севастополя и направился к своему единомышленнику и другу севастопольскому епископу Вениамину.

Хитрый владыка при встрече с Врангелем произнес такие слова: «Вы хорошо сделали, что приехали сюда (из Константинополя). Это был Ваш долг. Я знаю, как тяжело Вам, знаю, какой крест Вы на себя берете. Но Вы не имеете права от этого креста отказываться. Вы должны принести жертву родной Вам армии и России. На Вас указал промысл Божий (!) устами тех людей, которые верят в Вас и готовы Вам вручить свою участь. Еще до Вашего приезда, как только ген. Драгомиров собрал Совет, к нему обратился, указывая на Вас, целый ряд русских людей, духовенство православное, католическое и магометанское, целый ряд общественных организаций. Вот у меня копии с двух таких обращений»...

Словом, сам Всевышний и Всемогущий «отметил» Врангеля...

«...Владыка вышел в соседнюю горницу, откуда вынес икону Божьей Матери старинного письма в золотой оправе с ризой, расшитой жемчугами. Он подошел ко мне. — «Этой старинной иконой я решил благословить Вас, когда Вы придете сюда на Ваш новый подвиг». Я преклонил колено. Владыка благословил меня. Тяжелый камень свалился с сердца. На душе просветлело...» (Там же, стр. 10).

Врангель очень торжественно обставил акт принятия на себя роли главнокомандующего. В специальном Указе крымского «Правительствующего Сената» всем подчиненным ему присутственным местам и должностным лицам и во всеобщее сведение» 24-го марта 1920 г. говорилось о том, что «Промыслом Божиим предназначенному новому Главнокомандующему — генерал-лейтенанту барону Врангелю — стать во главе воинских

сил и гражданского управления в исключительной важности исторический момент... Проникнутая безаварной любовью к Родине, решимость незапавшего поражений (? Ред.) и заслуживающего всеобщее доверие генерала Врангеля принять на себя великий подвиг предводительства вооруженными силами, борющимися с врагами Веры и Отечества, обязывает всех истинных сынов России сплотиться вокруг него в служении святому делу спасения Родины» и т. д.

А 29-го марта сам Врангель «в приказе Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России» объявил, что он «обнимает всю полноту военной и гражданской власти без всяких ограничений», что «земли Кавказских Войск независимы (только) в отношении самоуправления, однако с полным подчинением казачьих вооруженных сил Главнокомандующему» и т. д.

Смысл этих двух документов ясен: «промысл Божий» вручил Врангелю неограниченную власть, Врангель возлагает «святое дело спасения» России, а казакам позволялось в будущем иметь лишь какое-то самоуправление, но казачьи полки — находятся в полном распоряжении нового «главнокомандующего»!

Если «промысл Божий» вручил Врангелю неограниченную власть над казачьими жизнями и казачьими землями, то, нужно полагать, тот же промысл Божий указал казакам и при новых, чрезвычайно трудных, условиях и далее упорно и стойко защищать свои волюнги, свое право на самостоятельную жизнь, ибо в тот самый день — 24-го марта, — когда при самой торжественной обстановке в г. Севастополе преосвященный Вениамин объявлял счастливому населению России о появлении Врангеля в новой роли, в скромном городе Евпатории вышел первый номер газеты «Донской Вестник», которая, хотя не всегда уверенно и ясно, но все же отражала казачьи стремления, далеко не сходные с теми, которые были изложены в вышеупомянутом Указе русского Сената и в приказе Врангеля.

Как было отмечено выше (глава I-я), в номере первом «Донского Вестника» говорилось о том, что «в феврале 1917 года восторжествовали не изжитые Казачеством демократические идеалы древней Донской Республики, существовавшей, как независимое государство, с начала XVI века и по 1670 г.», что «Донское Казачество дало России в лице Разина предтечу революционеров, в лице Атамана Булавина... оно первое восстало против самовласти», что Петру I-му «удалось подчинить себе Донцов, нарушая их права», что «по заветам вольных Кавказских Республик... казаки создали свое государство» после февральской революции, что «Казачество... презирав опасности и тяжкие испытания... высказалось против всякой диктатуры, как справа, так и слева, против монархистов и коммунистов — этих прирожденных врагов всякой свободы», что «казаки, волею судеб очутившиеся в Крыму, не откажутся от своего права на самоопределение»...

«...А в Крыму казаки снова думают: «Да какое нам дело до России»... «Дай Бог нам снова вернуться на Дон, очистить его от коммунистической нечисти. Мы ошметнимся штыками и пиками и потребуем, чтобы нас оставили в покое», говорилось во втором номере «Донского Вестника», вышедшем 26-го марта.

Так в Крыму, в среде Донцов, еще вчера верных Деникину, пробилась наружу гонимая русскими «красными» и русскими «белыми» бессмертная идея борьбы за казачью независимость.

Естественно, русские люди были глубоко возмущены тем, что казаки и в Крыму позволяют себе открыто говорить о казачьей государственной самостоятельности в прошлом и о стремлении казаков к ее защите в настоящем и в будущем. Прежде всего, в г. Евпатории всполошились русский цензор — старый адъютант при управлении начальника гарнизона г. Евпатории поручик Козин, и заведующий Евпаторийским узлом осведомления, он же редактор газеты «Евпаторийский Курьер» Ратимов и начальник гарнизона г. Евпатории ген.-майор Ларионов.

Ген. Ларионов «понял, что газета «Донской Вестник» ставит своей целью посеять рознь между казачьим и не-казачьим населением и ведет агитацию против Добровольческой армии и отправился в очередной

доклад к ген. Сидорину с целью указать на недопустимый тон газеты. На завлечение ген. Ларионова, что газета, издающаяся при штабе Донского Корпуса, левое направления и стремится провести рознь между Добровольческой и Донской армией, Сидорин ответил: «Что же тут удивительного, мы сами — левые», а присутствовавший при докладе ген. Кельчевский, начальник штаба Дон. корпуса, с каким-то озлоблением сказал: «Довольно, нас погубила Добрармия» (из обвинительного акта по судебному делу против генералов Сидорина и Кельчевского).

«Донской Вестник», хотя и выходил в сравнительно небольшом числе экземпляров, но распространялся не только среди Донцов, но пользовался популярностью и среди Евпаторийского населения, особенно, среди рабочих (тираж «Донского Вестника» достигал 1500-2000 экземпляров). Это обстоятельство наносило большой ущерб газете «Евпаторийский Курьер», редактором и издателем которой был вышеупомянутый Ратимов. Тираж «Евпаторийского Курьера» значительно сократился и дела его пошатнулись.

Редактор-издатель Ратимов сначала обращался к штабу Донского корпуса с просьбами об оказании помощи на издание «Евпаторийского Курьера», «обещая в последней отвести обширный отдел для обслуживания интересов Донармии». Говорил по этому делу с ген. Сидориным, с генералом-квартирмейстером Донского корпуса ген. Кисловым и с заведующим политической частью корпуса сотн. Дю-Шайля, но получил отказ в субсидии. Тогда, согласно свидетельству самого Ратимова, он «по должности заведующего Евпаторийским узлом осведомления написал по начальству докладную записку, в которой цитатами из газетных статей доказывал, что газета («Донской Вестник») взяла неправильное направление и приносит вред, что она ведет проповедь розни и вражды с добровольцами и дискредитирует власть Главнокомандующего и готовит Донцов к разрыву с ним, склоняет казаков к миру, доказывая бесполезность борьбы, угрожает и льстит рабочей массе» (из показаний Ратимова на суде).

Само собою разумеется, что Врангель, узнав об издании «Донского Вестника» при Донском корпусе, решил немедленно принять меры пресечения этого «зла». Как свидетельствовал в своем показании на суде 3-го мая 1920 г. в Севастополе ген. Богаевский, произошло тогда следующее:

...«22-го марта (1920 г.) произошла смена главнокомандующего и я думал, что отношения (между главнокомандующим и ген. Сидориным) наладятся. Но уже на одном из первых свиданий со мною ген. Врангель заявил, что в Донском корпусе творится что-то неладное, что там издается «Донской Вестник». Тогда же ген. Врангель показал мне свой приказ, которым арестовывал генералов Сидорина и Кельчевского и предавал их военно-полевому суду. Я отговорил генерала Врангеля не делать этого» (стенограмма судебного разбирательства в военно-морском суде 3-го мая 1920 г. в гор. Севастополе).

Из вышеприведенных слов Богаевского не видно, чтобы он считал недопустимым производство ареста чинов Донского корпуса распоряжением сторонней для Дона власти ген. Врангеля.

Необходимо отметить, что именно в те дни, когда вышли первые три номера газеты «Донской Вестник», Атаман А. Богаевский, по соглашению с Врангелем, подал Союзникам особый меморандум, в котором доказывал, что Донское Войско имеет право на самостоятельное государственное существование, и просил державы Антанты при заключении мира с большевиками гарантировать самостоятельность Дона. Подобный меморандум, тоже с ведома и согласия Врангеля, 31 марта подал и Кубанский Атаман Букретов («Трагедия Казачества, часть IV-я, глава 22»).

В то же время между Врангелем и Казачьими Атаманами велись переговоры о том, чтобы Атаманы Донской, Кубанский, Терский и Астраханский формально признали власть Врангеля над Казачьими Краями и казачьими вооруженными силами. Донской, Терский и Астраханский Атаманы охотно приняли предложение Врангеля. Оставалось склонить и Кубанского Атамана ген. Букретова к принятию того же решения...

Чтобы не помешать желательному для русских людей окончанию этих переговоров, ген. Врангель и

Атаман Богаевский решили пока не применять репрессивных мер в отношении ген. Сидорина и Кельчевского. Только в целях противодействия той пропаганде, которую вела газета «Донской Вестник», Богаевский в отданном им поздравительном приказе Донцам по случаю праздника Светлого Христова Воскресения призывал Донское Войско «к совместной работе с славными Добровольцами, к борьбе с большевиками и защите Крыма от вторжения их», и этот приказ Атамана, как отмечено выше, был напечатан в четвертом номере «Донского Вестника», вышедшем 1-го апреля.

Немедленному применению репрессивных мер в отношении командования Донского корпуса помешало и то обстоятельство, что в конце марта большевистские войска перешли было в очень энергичное наступление с целью ворваться в Крым. В деле отражения этого наступления выдающуюся роль сыграла Донская конница. Этот факт отметил и ген. Врангель: «31-го марта в районе Перекопа разыгрался упорный встречный бой. Со стороны противника действовала 1-я Латышская дивизия с конницей. 2-й Донской дивизией ген. Морозова, поддержанной нашей пехотой, аэропланами, броневидами и танками, противник был разбит», говорит Врангель (Записки, т. 2-й, стр. 34. «Белое Дело», т. VI-й).

Хотя проведение в жизнь приказа о предании военно-полевому суду ген. Сидорина и Кельчевского было временно отложено, но были приняты меры, чтобы Врангель получил в свои руки хорошо подобранный материал о деятельности командования Донского корпуса, располагавшегося в районе гор. Евпатории. Разработкой этого последнего вопроса занялся вышеупомянутый заведующий Евпаторийским узлом осведомления Ратимов. «По своим политическим верованиям Б. Ратимов представлял собою слякоть безвременья; он был сощербателем игорного дома, работал в организациях известного всероссийского черносотенца В. М. Пуришкевича, служил одно время у большевиков и потом в Отделе осведомления и агитации (Осваг) Добрармии».

Деятельное участие в собирании «данных» о работе командования Донского корпуса принял сотрудник Б. Ратимова по «Евпаторийскому Курьеру» фон-Ланге (А. А. Валентинов), а также начальник гарнизона города Евпатории ген. Ларионов и др. лица. Но особенное участие в деле устранения В. Сидорина и Кельчевского проявил командир Добровольческого корпуса ген. Кутепов, пребывавший тогда в Симферополе.

Дело в том, что Кутепов имел целый ряд столкновений с Сидориным и Кельчевским еще в то время, когда Добровольческий корпус, которым командовал Кутепов, весь январь и февраль месяцы 1920 г., находился в подчинении командующему Донской армией ген. Сидорину. В период отступления Донской армии и Добровольческого корпуса по территории Кубани — во второй половине февраля — весьма натянутые отношения между Кутеповым и Сидориным перешли в непримиримый антагонизм (часть IV-я «Трагедия Казачества»). Когда же Кутепов, воспользовавшись полной растерянностью и беспомощностью Деникина, в начале марта самовольно и поспешно бросил нижнее течение р. Кубани и ушел в Новороссийск, поставив этим самым в весьма и весьма тяжелое положение Донскую армию и сорвав, правда, наскоро принятый и плохо разработанный, план отхода Донской армии на Таманский полуостров, а в самом Новороссийске Кутепов захватил все имевшиеся там пароходы только для добровольцев, отношения между ее командующим ген. Сидориным и начальником штаба ген. Кельчевским, с одной стороны, и ген. Кутеповым, с другой, перешли в остро враждебные...

К тому же, прибыв в Крым с остатками Донской армии, ген. Сидорин принял свои меры к документальному выяснению причин и виновников гибели Донской армии. Устные свидетельства и письменные данные очевидцев Новороссийской трагедии Казачества единодушно говорили о той ужасной роли, которую сыграл именно ген. Кутепов в отношении казаков. (Траг. Казач., ч. IV-я, глава XXI-я).

Ответственные должностные лица из состава Донской армии требовали назначения официального строгого расследования кошмарных Новороссийских событий и предания виновников суду. И если бы у Дени-

кина — до 21-го марта — и ген. Врангеля — после 21-го марта — действительно было желание расследовать это ужасное дело, ген. Кутепов, в первую очередь, неизбежно был бы предан военно-полевному суду, ибо, прежде всего, он явился виновником гибели Сводно-Партизанской и 1-й Донских дивизий (из Гвардейской бригады 1-й Донской дивизии погрузились только офицеры и немногие казаки).

Если ген. Кутепов так относился к казакам, что был способен на то, чтобы на путях к Новороссийску и в самом этом городе предать всю Донскую армию, ему, конечно, не приходилось в Крыму особенно раздумывать над тем, чтобы принять решение активно помочь Врангелю расправиться с бывшим командующим Донской армией и начальником его штаба, тем более, что газета «Донской Вестник» сама подкашивала русским «белым» необходимостью решительной борьбы с новым проявлением казачьей самостоятельности.

И хотя газета «Донской Вестник» после выхода первых четырех номеров значительно убавила свои порывы и в следующих номерах поплелась вслед за врангелевской политикой Боисковых Атаманов и начала открыто поддерживать их политическое соглашение с Врангелем и писала даже о том, что будто бы в мероприятиях Врангеля «восходит... знак правды» («Я всю газету делю на две половины: первые четыре номера были резко оппозиционного характера, а последние четыре таковы, что и я готов под ними подписаться», — такую оценку сделал на суде один из противников Казачества — фон-Ланге), но это уже не могло приостановить проведения в жизнь намеренной Врангелем и Богаевским программы удешевления оппозиционного духа в Донском корпусе.

Ратимов написал новую подробную докладную записку, в которой, кроме множества цитат из газеты «Донской Вестник», указал на то, что «ближайшими результатами этого издательства было то, что в обществе и рабочих кругах шли толки о том, что Донцы разрывают свои отношения с Добровольцами и главным командованием», что газета «Донской Вестник» «отправляется на фронт с целью разложения стоящих там частей», что «до меня (Ратимова) дошел слух также и о том, что в штабе Донского корпуса зарождается какой-то заговор «14-ти», при чем заговорщики думают низложить Главнокомандующего, снять с фронта некоторые части, тем самым ослабить сопротивление большевикам и содействовать им занять Крым» (запись показаний Ратимова на суде 3-го мая 1920 г. в Севастополе).

С этим «договором», как назвал его ген. Кельчевский, и с комплектом номеров «Донского Вестника» Б. Ратимов направился 6-го апреля из г. Евпатории в гор. Симферополь к командиру 1-го корпуса ген. Кутепову.

Получив эти «материалы», Кутепов на железнодорожной станции Симферополь явился к Врангелю, который 6-го апреля был там проездом из Джанкоя в г. Севастополь, и подробно доложил ему о положении дел в Донском корпусе. Заслушав доклад Кутепова, Врангель предложил Ратимову проехать с ним в Севастополь.

К тому времени в Севастополе была проделана большая подготовительная работа с целью, чтобы не только решительно прекратить издание в Крыму единственной казачьей газеты «Донской Вестник», но чтобы создать условия, совершенно исключающие повторение подобного, неприятия для русских, явления в будущем, и чтобы Донской корпус крепко взять в надежные русские руки.

Прежде всего, заслуживает особого внимания вышеотмеченный факт заключения Донским, Кубанским, Терским и Астраханским Атаманами 2-го апреля договора с Врангелем о признании его власти над казаками.

Согласно закулисной соглашению Донского Атамана Богаевского с Врангелем было решено устранил ген. Сидорина от командования Донским корпусом и на его место поставить «преданного России» и «белому» делу ген. Абрамова, которому поручалось произвести «чистку» среди офицеров корпуса.

Донской Атаман Богаевский, оставаясь сам в тени, обещал с своей стороны оказать и в дальнейшем всемерную поддержку Врангелю в осуществлении его планов, направленных к удешевлению проявлений не-

покорного казачьего духа и к использованию казаков для целей русской контр-революции точно так же, как красная Москва стремилась использовать их в интересах Советской России.

Прибыв с Ратимовым в г. Севастополь вечером 6-го апреля ген. Врангель «немедленно послал за Донским Атаманом ген. Богаевским, передал ему доставленные Ратимовым номера «Донского Вестника» и предложил лично переговорить с Ратимовым. «Оставив ген. Богаевского и Ратимова вдвоем», рассказывает Врангель, «я прошел к себе в кабинет и тут же набросал приказ, в котором писал:

«Вот двенадцатый час нашего бытия! Мы в осажденной крепости — в Крыму; успех обороны крепости требует полного единения ее защитников. Вместо этого нажимают даже старшие начальники, которые политиканствуют и сеют рознь между частями. Пример этому — штаб Донской армии. Передо мной издание штаба «Донской Вестник»; газета (эта) восстанавливает казаков против не-казачьих частей юга России, разжигая классовую рознь в населении и призывая казаков к измене России.

По соглашению с Донским Атаманом, приказываю генерал-лейтенанту Сидорину сдать должность генерал-лейтенанту Абрамову. Отрешаю от должности начальника штаба корпуса генерал-лейтенанта Кельчевского и генерал-квартирмейстера генерал-майора Кислова. Начальника политического отдела и редактора газеты сотника графа Дю-Шайля предаю военно-полевному суду при команданте главной квартиры. Следователю по особо важным делам приказываю немедленно произвести следствие для обнаружения прочих виновных и передачи их суду. Газету закрыть. Впредь буду взыскивать беспощадно со всех тех, кто забыл, что в единении наш долг перед Родиной».

«Закончив приказ, я вышел к ген. Богаевскому. Последний у окна просматривал Донскую газету. Вид у него был смущенный и расстроенный. Я протянул ему мой приказ. «Вы ничего не имеете против того, что я упоминаю о вашем согласии». «Да, конечно»,... видимо с огромным трудом, едва слышно, ответил Атаман. Я тут же подписал приказ и передал его адъютанту для исполнения» (Записки Врангеля, т. II-й, стр. 36).

Однако, Врангель и Богаевский боялись того, что Сидорин, Кельчевский и Кислов могут не подчиниться этому приказу и дело может дойти до вооруженного конфликта.

Чтобы избежать этого, были предприняты следующие шаги: 1) вышеприведенный приказ Врангеля не был передан по телеграфу штабу Донского корпуса. 2) а вместо того, главный военно-морской прокурор ген. Ронжин в ночь под 7-е апреля послал начальнику гарнизона г. Евпатории ген. Ларионову телеграфное приказание немедленно арестовать заведующего политической частью Донского корпуса и фактического редактора газеты «Донской Вестник» сотника Дю-Шайля и опечатать редакцию этой газеты и типографию, в которой она печаталась.

Получив этот приказ, Ларионов немедленно явился к ген. Сидорину и показал ему эту телеграмму. В это время в гор. Севастополе с нетерпением ожидали, как на эту телеграмму будет реагировать командир Донского корпуса.

Ген. Сидорин ответил Ларионову, что «арестовать чинов Донского корпуса и его учреждения он никому не разрешает».

Ел. Сидорин совершенно правильно понимал, что «приказ ген. Ронжина был вторжением в жизнь Донского корпуса, а его попытка свой приказ привести в исполнение через ген. Ларионова — постороннего для корпуса чина — было нарушением воинской этики»...

«С юридической стороны приказ главного военно-морского прокурора об аресте состоявшего на службе в Донском корпусе офицера и издававшейся там газеты, был нарушением конституционных прав Дона, признанных еще ранее и Главнокомандующим. Власть последнего в отношении Донской армии укладывалась только в рамки оперативного подчинения, что и было обозначено в договоре ген. Краснова с ген. Деникиным о едином командовании, состоявшемся в декабре месяце 1918 г. на станции Торговая. Все другие виды взаимоотношений, предусмотренные положением о полевом управлении войск и другими действовавшими военными законами, этим соглашением не

подтверждались и порядок их осуществления, в том числе и порядок ответственности по суду, определялся основными законами Всевеликого Войска Донского и другими его законоположениями».

Ген. Ларионов, встревоженный невозможностью осуществить полученное им из гор. Севастополя распоряжение, вызвал главного военно-морского прокурора Ронжина, чтобы сообщить ему о нежелании Сидорина подчиниться распоряжению главного военно-морского прокурора. Но «вместо ген. Ронжина к аппарату подошел статский советник Гирчич, военный следователь по особо важным делам при штабе Главнокомандующего, и повторил ген. Ларионову приказание ген. Ронжина: графа Дю-Шайля арестовать, а редакцию и типографию опечатать. С докладом об этом ген. Ларионов явился к ген. Сидорину 7-го апреля часов в 11 вечера».

«Ген. Сидорин, ген. Ларионова за поздним часом не принял, но, выслушав его доклад через ген. Тараканова, остался при старом решении и назначил ему доклад на следующий день в десять часов. Ад'ютанту же своему приказал написать и отправить ген. Ларионову следующую «бумагу»:

«По вопросу, Вами доложенному в связи с телеграммой ген. Ронжина, командиром корпуса сегодня послана телеграмма Главнокомандующему; ответа на нее еще нет. До получения ответа командиром Корпуса от Главнокомандующего, никакие приказания, чьими бы подтверждениями они ни сопровождались, в Донском корпусе приведены в исполнение не будут. Дабы избавить лично Вас от получения таких приказов, ген. Сидорин приказал поставить Вас в известность, что с завтрашнего дня, на основании Устава Гарнизонной Службы, он принимает на себя начальствование в гарнизоне».

Таким образом, Сидорин, не зная еще ничего о приказе Врангеля-Богаевского об отрешении его от должности командира корпуса, умело вышел из создавшегося положения в первый день схватки.

Что делал 7-го апреля Донской Атаман?

Получив перед полуднем в этот день сообщение о том, что ген. Сидорин поступил правильно в деле защиты прав Войска Донского, Богаевский был чрезвычайно встревожен таким поведением ген. Сидорина. Богаевский понимал, что такая линия поведения командира Донского корпуса срывает его и ген. Врангеля план ликвидации «самостийнического» духа в Донском корпусе.

Сидорин не допустил стороннего вмешательства в дела Донского Войска и, дабы предохранить казачий Корпус от всяких воздействий извне, сам принял на себя обязанности начальника гарнизона гор. Евпатории. У Врангеля и Богаевского не было силы, чтобы вооруженной рукой побороть сопротивление комадира Донского Корпуса..

Чтобы найти выход из создавшегося «тупика», Донской Атаман стал на путь морального воздействия на ген. Сидорина. Как выборный Атаман Всевеликого Войска Донского, Богаевский 7-го апреля обратился к Сидорину с нижеследующим письмом:

«Вчера, возвратясь с фронта, ген. Врангель вызвал меня вечером к себе и, передавая мне пачку газет «Донской Вестник», глубоко возмущенным тоном заявил мне, что то, что пишется в этой газете, явно ведет к полному разрыву Донцов с главным командованием и добровольцами, дискредитирует самую идею воссоздания России в будущем, призывая казаков к измене ей, и не только не способствует единству действий наших войск, но, напротив, окончательно вырывает пропасть между ними...

«В виду всего этого главнокомандующий считает себя вынужденным принять самые решительные меры против Донского командования, очевидно, поощрявшего такое направление этой пропаганды»...

Далее ген. Богаевский остановился на письме на своей лично роли в истории этого приказа и дал блестящее свидетельство своей необычайной «скромности» перед Главнокомандующим, позволив себе удовольствоваться одними попытками «сгладить инцидент и разрешить его мирным способом». Богаевский писал Сидорину:

... «Все мои попытки сгладить весь инцидент и разрешить его мирным способом, ни к чему не привели, и я должен был согласиться на уже заготовленный приказ, сгладив все же кое-что в нем».

В первоначальной редакции приказа ген. Сидорин и Кельчевский назывались определенно «изменниками Родины».

Далее Богаевский писал Сидорину:

«...Вопрос кончен... Мне очень тяжело писать тебе все это; пережить эту драму едва ли легче, чем тебе и А. К. Кельчевскому. Но — так нужно; и, если личное Настроение не возьмет у тебя верх над любовью к Дону, то я прошу вас обоих спокойно по возможности перенести все происшедшее: всякое противодействие главнокомандующему может только привести к весьма нежелательным последствиям: судя по настроению ген. Врангеля, он не остановится ни перед чем»...

— «» —

Вечером 7-го апреля, узнав о том, что на повторное требование об аресте сотника Дю-Шайля, ген. Сидорин ответил отказом, Богаевский приказал в ночь под 8-е апреля послать из гор. Севастополя в гор. Евпаторию краткое и вразумительное «атаманское» телеграфное распоряжение:

«Приказ Главнокомандующего должен быть исполнен... В Евпаторию выезжает ген. Абрамов».

Однако, 7-го апреля приказ Врангеля об отчислении Сидорина, Кельчевского и Кислова от занимаемых ими должностей и о назначении Абрамова командиром корпуса еще не был сообщен ген. Сидорину, и только 8-го апреля из газет этот приказ стал известен всем. 8-го апреля Сидорин получил и вышецитированное письмо Богаевского.

В этом месте следует особо подчеркнуть тот факт, что именно 8-го апреля в г. Севастополе Врангель проделал историю с арестом Кубанского Атамана ген. Букретова (Траг. Каз., часть IV-я, глава 22). Так что нажим на казачьи верхи был произведен одновременно и у Донцов, и у Кубанцев...

Букретов покорились воле Врангеля. А как поступил бывший командующий Донской армией, ныне командир Донского корпуса?

Когда в ноябре 1919 г. Врангель производил переворот на Кубани, вооруженная сила в столице Кубани подчинялась стороннику и помощнику его в деле переворота — Кубанскому Атаману А. П. Филимонову. Во время производства переворота у Донцов в Крыму — вооруженная сила находилась в распоряжении ген. Сидорина. Почему он не применил ее для противодействия насилью над Донцами?

Попробуем ответить на этот вопрос так, как на него отвечает тот, в чьем распоряжении находились донские силы в Евпатории:

«Верхи власти (Врангель-Богаевский) предвидели возможность не только отказа подчиниться этому приказу, но и возможность противодействия (со стороны Донского корпуса). И следует отметить, что верхи управления тревожились не безосновательно, опасность выступления была совсем не призрачной: возможность его, действительно, была и в Севастополе об этом знали».

«Эта возможность крылась в той глубокой органической связи, которая покоилась на единомыслии и которая крепла и углублялась в массах Казачества часто повторявшимися случаями, когда войска могли убедиться и убеждались, что их командующий с ними, что он видит и знает их жизнь, что он их не оставит».

«Так было всегда. Так было на Донце, когда ген. Сидорин и ген. Кельчевский (в феврале 1919 г.) приняли не армию, а деморализованную и потрясенную неудачами и мысленным разбродом казачью толпу; так было в дни расцвета славы у Балашова и Борисоглебска; так было во время тяжких, но славных боев на Дону и у Егорлыкской... так было и в печальной памяти Новороссийские дни... И, конечно, драма Донцов была и лично драмой ген. Сидорина».

«В Крыму армию застали светлые дни Св. Пасхи. Ген. Сидорин решил в этот великий для каждого христианина день разговляться вместе с частями, составленными из гарнизона Евпатории. Это были — юнкерский полк из двух училищ — Атаманского и Донского, учебный полк пулеметчиков и сотня конвой, составлявшие Донскую учебную бригаду из трех полков.

Главную массу юнкеров составляли бывшие партизаны — участники Степного похода, дважды и трижды раненные, украшенные боевыми отличиями, с юности закаленные в боях... Стрелки учебного полка не

имели себе равных во всей армии по строевой выучке и несению службы.

«Конвойды были преданнейшими ген. Сидорину людям. Они состояли, главным образом, из тех казаков, которые или только что оправились от ран, или перенесли тиф и набирались сил... Полк же конвой (шесть сотен) был постоянно на фронте в бригаде ген. Морозова и участвовал во всех боях, имея богатые трофеи (например, за 4 месяца работы, одних оружий полком было взято 28). Юнкера и конвойцы постоянно сопровождали ген. Сидорина во время его выездов на фронт, бывали вместе с командующим в боях...

...Ген. Сидорин говорил им, что мира не будет, что он снова победоносно выведет их на Родной Дон, и неустрашимая брагада радовалась и жила этими заявлениями. В эти же дни ген. Сидорин объехал дивизии и настроение всюду поднялось».

На второй день Пасхи ген. Сидорин на аэроплане летал на Перекоп и там смотрел конную бригаду ген. Морозова.

«Если бы ген. Сидорин был тем честолюбцем, которым нарисовал его в своем приказе Главнокомандующий, ему бы не доставило труда отказаться от выполнения приказа и пойти против ген. Врангеля. Если бы учебная бригада подобный приказ получила — она бы его выполнила.

«И был момент, когда ген. Сидорин колебался, когда он не знал, как ему реагировать на приказ, когда в нем заговорило чувство любви к Дону, к родине, когда он вдруг болезненно почувствовал ту грубость, то оскорбление, которое ей (Родине-Дону) причинено, когда он тщетно ждал, что Атаман, Правительство и Круг (Донской Войсковой) вступятся за ее права и за ее достоинство.

«И был момент, когда ген. Сидорин вызвал к себе начальника учебной бригады ген. Карпова (неказак) и спрашивал его:

— Надежна ли учебная бригада?

— Надежна, Ваше Превосходительство, ответил ген. Карпов. И говорит далее: — Но если дело идет только о личных отношениях, я не хотел бы подвергать бригаду риску из-за Вашего и моего благополучия. Но если так нужно для Дона, бригада тотчас приказ выполнит без колебаний.

— Ну, конечно, дело идет не о моем личном благополучии, — улыбаясь, задумчиво сказал ген. Сидорин».

«Если бы в Евпатории началось восстание, бригада Морозова ушла бы с фронта и, нет сомнения, за ней последовали бы те части, постоянным боевым руководством которых был Морозов. Казаки Гвардейской бригады, находившиеся в гарнизоне Севастополя, оставили бы своих офицеров и присоединились к восставшим. С уверенностью также можно говорить, что добровольцы отказались бы драться с юнкерами и вряд ли пошли бы против тех казаков, с которыми вместе они дрались два года.

«Таким образом, у Главнокомандующего вряд ли нашлись бы средства, чтобы восстание ликвидировать. Если бы это и удалось, последствия его были бы неисчислимы.

«Но, ни ген. Сидорин, ни ген. Кельчевский на этот путь не стали»...

Почему?

Прямой и исчерпывающий ответ на этот вопрос дает вся та политика, которую проводили ген. Сидорин и Кельчевский за все время своего пребывания их во главе Донской армии, начиная февралем 1919 г. и кончая днем издания Врангелем приказа об устранении их из состава Донского корпуса... Еще совсем недавно 22 марта 1920 г., ген. Сидорин и ген. Кельчевский, не спрашивая воли Донского корпуса, дали свои подписи на акте об избрании Врангеля на место Деникина, и этим самым приняли на себя и на весь Донской корпус моральное обязательство подчиняться и новому Главнокомандующему, как подчинялись они Деникину и подчинялись ему Донскую армию даже после того, как 3-го марта 1920 г. Верховный Круг Дона, Кубани и Терека принял постановление о разрыве Казачества с Деникиным.

Очевидно, Сидорин и Кельчевский не ожидали, что Врангель проявит (да еще так скоро!) такую крайнюю неблагодарность и жестокость в отношении

их самих, которые до этого времени так верно и неколебимо служили «белой» России. Понятно, не легко было генералам перенести это насилие...

После некоторых колебаний, ген. Сидорин и ген. Кельчевский подчинились приказу Врангеля-Богаевского.

8-го апреля вечером новый командир корпуса ген. Абрамов с новым начальником штаба ген. Алексеевым прибыли из Севастополя на моторном катере в гор. Евпаторию и приняли Донской корпус от Сидорина-Кельчевского.

А 9-го апреля ген. Сидорин отдал следующий прощальный приказ:

«Отцы и братья, Донские казаки! Три года тому назад по призыву нашего Атамана ген. Каледина я вступил в ваши ряды на защиту вольностей и чести казачьей. Погиб на своем посту славный Атаман. Зверски был убит большевиками его достойный преемник Назаров. Верный их заветам, повинувшись их последнему приказу, с горстью храбрых — казаков, офицеров и нашей учащейся молодежи я не сложил оружия перед врагом и ушел в степи, продолжая борьбу, оказывая помощь и поддержку родным станицам и хуторам.

«Прошел тяжелый 1918 год. В начале февраля 1919 года, по воле Круга и Донского Атамана я стал во главе армии. 15 месяцев, честно исполняя, как понимал, свой долг перед родиной и Казачеством, я вместе с вами одной душой и одним сердцем переживал и радость побед, освободивших Родной Край, и тяжелый крестный путь отхода в далекий Крым.

«Судьба не дала мне счастья вместе с вами пробиться к берегам Тихого Дона. Приказом Главнокомандующего ген.-лейт. барона Врангеля я отчислен от командования и должен покинуть ваши славные ряды.

«С тяжелым сердцем расстаюсь с вами, мои дорогие, боевые соратники. Но твердо верю, что под руководством своего Атамана, ставшего во главе Донской армии, вы быстро залечите раны и смело двинетесь вперед.

«Бог да поможет вам!

«Я же, связанный кровными узами с армией, где бы ни находился, найду другие пути, чтобы продолжать честно служить ей и Родному великому Войску Донскому».

Ген. Сидорин хорошо понимал, какую роль играл «в его деле» ген. Богаевский и все же нашел возможным и нужным поместить в приказе слова о том, что «под руководством своего Атамана, ставшего во главе Донской армии, вы быстро залечите свои раны»...

Характерными являются и заключительные слова этого приказа, которыми бывший командующий Донской армией обещает далее «честно служить ей — Донской армии и родному Великому Войску Донскому». Здесь нет привычных слов о служении матери-России.

10-го апреля в особом вагоне Сидорин и Кельчевский выехали в гор. Севастополь.

Сотник Дю-Шайля был арестован в Евпатории 8-го апреля и в сопровождении двух офицеров на катере направлен в г. Севастополь, на военно-полевой суд, что означало тогда неизбежную смерть.

Дю-Шайля хорошо понимал, что Донцы в апреле 1920 г. переживали почти то, что Кубанцы пережили в ноябре 1919 г., и что его ждет участь А. И. Кулабухова. Дю-Шайля решил сам на катере покончить с собой и выстрелил себе в грудь. Однако, попытка застрелиться оказалась неудачной: пуля засела в легком. В Севастополе сотника оперировали и он долго пролежал в больнице... Это спасло его от виселицы.

Собрав сведения о настроении Донских казаков, ген. Врангель 16 апреля прибыл в гор. Евпаторию и прозвел смотр дивизиям Донского корпуса. А 17-го апреля в Севастополе он отдал приказ, в котором восхвалял отличное состояние корпуса, говорил о великодушном порядке в его частях и благодарил начальников и казаков.

Как видно, удаление из Корпуса Сидорина и замена его Абрамовым, по крайней мере внешне, не вызвало заметных волнений.

(Продолжение следует).

А. ЛЕНИВОВ.

Ростовское восстание большевиков 26 ноября - 2 декабря 1917 г.

(К 20-ЛЕТИЮ НАЧАЛА КАЗАЧЕ-РУССКОЙ ВОЙНЫ).

20 лет тому назад раздалась первая выстрелы на Дону, вещая Ростовское восстание большевиков, как предисловие к началу казачье-русской войны. Однако, означенный момент **аосолодным образом не освещен в печати**, почему обстоятельством этим пользуются различные безответственные лица, стремящиеся опорочить Казачество... Желая определить правду и тем самым установить истинный ход событий, сопряженных с Ростовским восстанием большевиков, обратим внимание казаков читателей на неправду русских людей!.. В № 6079 «Последних Новостей» (вторник, 16 ноября 1937 года), в отделе «Знаете-ли вы?», под рубрикой «Ответы на вопросы» — значит: 1) Первые шаги Добровольческой армии? Боевое крещение армии произошло 26 ноября 1917 года под ст. Кизитириной, в 15 верстах от Ростова, с неприятелем, в 25 раз сильнее. Через несколько дней, благодаря неожиданной помощи подошедшего из Таганрога отряда ген. Назарова, добровольцы овладели Ростовом...

Приводя означенный отрывок, подчеркиваем, что подобная версия (т. е. что добровольцы подавили Ростовское восстание большевиков) распространялась и распространяется различными бытописателями «белого движения»... в целях приписать себе то, что делалось казаками. Истинная правда и историческая действительность указывают, что не русские добровольцы, а **Донские казаки подавили Ростовское восстание большевиков**.

Захват большевиками власти в свои руки в Петрограде, в Москве и в других центрах, отозвалось эхом и на Дону... Местные большевики начали проявлять усиленную активность, опираясь в своей деятельности на шахтеров и солдат. Следует отметить, что в продолжение всей Великой войны, на Дону были размещены постром 12 запасных пехотных полков (около 100 тысяч солдат) в Ростове, Новочеркасске, Таганроге, Азове, Александровске-Ирушевском и т. д.

Тяжелое время наступило для Казачества! Русская «солдатия» распропагандированная вконец, мечтающая о захвате «казачьей земли», весьма недвусмысленным образом грозила Войсковому Правительству, обещая пустить в ход оружие... Атаман Каледина, стремясь избежать, кровопролития, и, кроме того, не надеясь на казачьи части, откладывал разоружение солдатских запасных полков.

Наконец, наступил день 19-го ноября, когда Атаман и Войсковое Правительство решили разоружить и распустить по домам 272 и 273 запасные пехотные полки (в числе 16 тысяч солдат), располагавшихся в Хутунке, предместьи г. Новочеркасска. В распоряжении Войсковой власти имелись следующие вооруженные силы, именно: 3 сотни юнкеров Новочеркаского казачьего училища, 2 сотни казаков-слушателей т. н. «Общеобразовательных казачьих курсов», 2 сотни Донской студенческой боевой дружины, сводная батарея Донского запасного артиллерийского дивизиона и автомобильный броневой дивизион (случайно застрявший в Новочеркасске при следовании на Кавказский фронт). Кроме того, в распоряжении Атамана Каледина поступили три роты т. н. «Алексеевской военной организации», положившей начало добровольческой армии. В частности, ген. М. В. Алексееву удалось сформировать из прибывавших на Дон офицеров, юнкеров, кадет и т. д. — 1-ую офицерскую роту, 2-ую юнкерскую роту, 3-ью т. н. «гардемаринскую роту», общим числом в 400-500 добровольцев, которые были размещены постром в гостиницах «Яр» и «Лондон» на Барочной улице в Новочеркасске.

20-го ноября Войсковое Правительство предъявило ультиматум 272 и 273 запасным пехотным полкам, поставив условием — беспрекословную выдачу всего оружия, дав на размышление всего два часа, обещая при неблагоприятном ответе применение вооруженной силы. К 10 часам утра, войсковые части, находившиеся в распоряжении Войскового Правительства, занимали следующее исходное положение 1-я «боевая» сотня Дон-

ской студенческой дружины располагалась в Войсковом арсенале, 1-ая сотня Донского кадетского корпуса и 2-ая сотня Донской студенческой боевой дружины занимали все внутренние караулы по Новочеркаску, три сотни юнкеров Новочеркаского казачьего училища занимали стрелковые позиции по левому берегу р. Тузлова, вплотную перед солдатскими бараками, имея ближайший резерв в виде 2 сотен казаков слушателей «Общеобразовательных казачьих курсов» и трех рот русских доорывольцев. От триумфальных ворот вниз по Петроградскому спуску к т. н. «Фашинному мосту» у Хутунки, находились три тяжелых и два легких броневых автомобилей, имея в качестве прислуги студентов казаков Донского политехнического института: от Константино-Владинской церкви и до артиллерийских казарм, по Владимирской улице были установлены на позиции пять казачьих орудий. Наконец, на Троицкой площади были сосредоточены, в виде главного резерва, около 300 донских офицеров, вооруженных винтовками из штаба 1-го Донского запасного казачьего полка.

12 часов дня 20 ноября. Солдатские нервы не выдержали. Быв увещанию своего командира, полковника Мочинского, они выкинули белый флаг.

Тотчас цепи юнкеров и казаков-курсантов с броневыми автомобилями вступили на территорию солдатского городка, где уже было сложено оружие в огромных кучах. Вплоть до самого вечера производилась перевозка оружия с Хутунки в Войсковой арсенал трудами и работами учеников всех Новочеркаских средне-учебных заведений... Тем же вечером был объявлен приказ Атамана Каледина о демобилизации 272 и 273 запасных пехотных полков и солдатские толпы, заполняя собой спешно поданные товарные составы, начали вывозиться из Новочеркасска.

Однако, означенное разоружение мало способствовало «замирению» в Донской области, наоборот, подтолкнуло большевиков к активным выступлениям в других областных центрах. В частности, ростовские большевики подняли вооруженное восстание в ночь под 26 ноября, при поддержке 187, 249, 252, 255 запасных пехотных полков и 640-ой Донской пешей ополченской дружины, размещавшихся в Ростове, а равно и помощи со стороны пяти военных судов Черноморского флота, прибывших на Ростовский рейд из Севастополя.

Пролились первые потоки казачьей крови у Ростовского вокзала, где большевики преодолели вооруженное сопротивление малочисленных казачьих частей Ростовского гарнизона. «Военно-революционный комитет», назначив рабочего Решеткова — градоначальником, а солдата Блюма — начальником Ростовского гарнизона, принял решение... **идти походом на Новочеркасс и установить там советскую власть!**

Положение создавалось отчаянное, Казачьи части, прибывшие на Дон с фронта внешней войны, уклонялись всяческим образом от выполнения боевых распоряжений Атамана Каледина, «Виксель» (союз железнодорожных служащих) прервал железнодорожное сообщение от Новочеркасска в сторону Ростова; далее, в самом Новочеркасске было неспокойно, ожидали восстания местных большевиков, между тем как Ростовские большевики двинулись походом на Новочеркасс, а рыхта «Колхида», вооруженная двумя 120 м. м. орудиями и пулеметами и четыре баржи-траллера, вооруженные 120-ти м. м. и 6-ю дюймовыми орудиями, пошла по р. Дону от Ростова к ст. Аксайской...

Не медля ни минуты, Атаман Каледина образовал в спешном порядке особую бригаду полк. Юдина в составе — 3 сотни юнкеров Новочеркаского казачьего училища (под командой есаула **Н. П. Слюсарева**), 2 сотни казаков-слушателей «Общеобразовательных казачьих курсов» (под командой полк. **Дубенцева**), одна конная сотня из состава 1-го Донского казачьего запасного полка, часть казаков 6-го Донского пластунского батальона, сводная батарея Донского запасного артиллерийского дивизиона (под командой войск. старш. **Шульгина**) и всех добровольно присоединившихся каза-

чех офицеров, юнкеров, кадет, студентов и остальных учащихся г. Новочеркасска.

В виду того, что железнодорожные служащие отказывались везти означенные части к Ростову, из состава Донской студенческой боевой дружины было создано 13 паровозных бригад, которые и повели поезда с частями особой бригады полк. Юдина из Новочеркасска в ст. Аксайскую.

Справедливости ради надлежит указать, что донскими студентами, работавшими в качестве машинистов, смазчиков и сцепщиков, была проявлена изумительная стойкость и непоколебимость... Далее, гужевым порядком из Новочеркасска были высланы четыре бронированных автомобиля, имея в качестве команды донских студентов, в ст. Аксайскую. В виду того, что ст. Каптемировка (на севере Дона) была занята 17 стрелковым полком, имевшим приказ главковерха Крыленко — «бороться с казаками ожесточеннее, чем с врагом внешним», 1-ая «боевая» сотня Донской студенческой боевой дружины выступила из Новочеркасска в направлении к ст. «Чертково» 28-го ноября.

Первый бой между частями особой бригады полк. Юдина, выгрузившейся в ст. Аксайской и ростовскими большевиками, произошел утром 27-го ноября на подходе к ст. «Кизитиринка» (станция Александровская), где балка с небольшой речкой разделяла сражающихся... В результате затяжного боя, который решился в пользу бригады полк. Юдина, ростовские большевики отошли от ст. Кизитиринка к окраинам г. Нахичевани, концентрируясь главным образом в 1-ой, 2-ой и 3-ей Балабановских рощах.

Считая от этого момента, бой принял затяжной характер, каковым обстоятельством был весьма недоволен Атаман Каледин. Большевики, располагая тяжелой и морской дальнобойной артиллерией, вели непрестанный обстрел казачьих позиций, причиняя большой урон... Ввиду того, что в составе бригады полк. Юдина имелись всего лишь легкие 3-дюйм. орудия, отпадала всякая возможность артиллерийского соперничества, почему была произведена попытка произвести набег на яхту «Колхиду» и траллеры, выдвинутые большевиками далеко вперед по р. Дону, и заставить их артиллерию замолчать. Однако, все начинания в означенном отношении окончились полной неудачей, ибо большевики проявляли чрезвычайную бдительность.

Прибывший из Новочеркасска отряд добровольцев т. н. «Алексеевской военной организации» (Добровольческая армия) — в составе трех рот, под командой гвардии полковника князя Хованского, не выгружаясь в ст. Аксайской, проследовал в эшелонах через ст. Кизитиринку к г. Нахичевани, где, войдя к вокзалу, попал под сосредоточенный огонь большевиков. Не имея возможности защищаться в товарных вагонах, добровольцы в полном смысле слова расстреливались большевиками! Благодаря невероятной халатности и полному непониманию боевой обстановки, князь Хованский погубил половину своего отряда, потеряв массу убитыми и ранеными. В соответствии с понесенными потерями, отряд т. н. «Алексеевской военной организации», не играя никакой решающей роли в борьбе против Ростовских большевиков, являлся лишь составной частью войск, руководимых Атаманом Калединым, в дни осады Ростова и Нахичевани.

29 ноября, большевики повели сильное наступление на ст. Кизитиринку и начали слегка теснить части особой бригады полк. Юдина. Казачьи части, находившиеся в ст. Аксайской, начали митинговать и хотели расходиться по домам, мотивируя свое решение необходимостью устройства нейтралитета. В известной степе-

ни действовало на казаков присутствие Атамана Каледина, прибывшего в этот день из Новочеркасска на позицию, благодаря чему казаки удержались от немедленного ухода с фронта в станицы.

Около полудня 28-го ноября стрельба в большевицких цепях прекратилась неожиданным образом, вслед за чем большевики выбросили белый флаг! Большевицкая депутация в составе парламентариев от Ростовского городского самоуправления, гарнизона и большевицких боевых частей, подошедшая к казачьим цепям, была приведена к Атаману Каледину. Наглость большевицких требований была очевидной вещью, ибо от Атамана Каледина требовалось немедленное отступление к Новочеркаску, преклонение перед завоеваниями революции, признание советской власти и сложение своих полномочий...

В момент, когда большевицкая делегация вела переговоры с Атаманом Калединым, большевики повели внезапное наступление на правом фланге, заставив казаков сильно податься назад!.. Атаман Каледин, выгнав большевицкую делегацию из штабного помещения, приказал полк. Юдину перейти в немедленное контр-наступление по всему фронту... Раздалось непрерывное «ура» в цепях юнкеров, казаков, бросившихся неудержимо вперед, сбивших могучим порывом большевиков, преследуя последних до окраин Нахичевани, где дальнейшее продвижение частей особой бригады было остановлено усиленным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем большевиков.

Вернувшись с позиций в Новочеркасске, Атаман Каледин назначил на место полк. Юдина — полк. генер. штаба **С. Бояринова**, сумевшего подтянуть части особой бригады и начавшего перегруппировку войск с целью подготовки решительного наступления на Ростов. В результате присоединения целого ряда казачьих частей, было образовано три отдельных колонны — полк. **Кучерова**, полк. **Богаевского** и генер. **Краснова** (конный отряд), под общей командой Атамана Каледина при начальнике штаба полк. **С. Бояринове**.

В ночь на 30-ое ноября, казачьи войска начали решительное наступление по всему фронту, гоня перед собой большевиков... Казачья артиллерия обстреливала бризантными снарядами яхту «Колхиду», неподвижно пришвартованную около набережной вследствие неисправности машин. 1 декабря бои уже шли на окраинах Ростова, причем казачья конница старалась прижать большевиков к р. Дону. Наиболее сильное сопротивление большевики оказали у хутора Олимпиадовского!.. Участь боя под Ростовом решил ген. Назаров — командующий войсками Таганрогского округа, выдвинувшийся с своими частями от ст. Хопры до Темерницкого поселения, рабочего предместья г. Ростова.

Казачьи части, воровавшись одновременно с трех сторон в Ростов, были встречены овациями со стороны городского населения, освобожденного от большевицкого ига. Так было подавлено Ростовское восстание большевиков (26 ноября — 4 декабря 1917 г.), угрожавшее бытию Донского войска, подавлено было исключительно немногими казачьими частями, но не русскими добровольцами.

Героям Дона, храбрым и доблестным казакам и офицерам, погибшим в боях с русскими солдатами 187, 249, 252, 255 пехотных запасных полков, 640-й Донской ополченской пешей дружины, авто-тракторного дивизиона и матросами Черноморского флота, а равно русскими рабочими города Ростова — под ст. Кизитиринкой, г. г. Нахичеванью и Ростовом, в дни 26 ноября — 4 декабря 1917 года, **првозглашаем в ныне исполняющуюся 20-летнюю годовщину начала казачье-русской войны — вечную память, вечную славу!**

КОНЕЦ ДВУХ КАЗАЧЬИХ ПАЛАЧЕЙ.

Парижские газеты 21-го декабря принесли известие из Москвы, что там 16-го декабря судили, приговорили к расстрелу и приговор привели в исполнение — над рядом вчерашних советских сановников, в том числе и — «усмирителей» восстания кубанских казаков в 1932 г. и вообще «борцов» с казачьим «саботажем», повернувшихся потом «лицом к советскому казачеству» — товарищей **Шеболдаева** и **Ларина**. Первый был секретарем Азово-Черноморского краевого комитета компартии (начальство партийное), а второй (донской казак) — председателем краевого исполнительного комитета (власть правительственная, государственная).

Обвинялись они «в государственной измене» и — за «связь с заграничной белогвардейской организацией» — обвинение явно дутое...

Давно уже бесследно исчез и б. командующий Северо-Кавказским военным округом т. **Каширин** (оренбургский казак).

Так платит Москва своим верным сатрапам... — Придет время, когда заплачено будет всем...

„Яик уходит в море“

В Москве вышел недавно (в настоящем году) роман Валерияна Правдухина: «Яик уходит в море». Роман этот — из казачьей жизни. Действие его охватывает период времени с 1873 по 1891 год.

Роман — бытовой, до некоторой степени — исторический. Описывается жизнь яицких казаков и некоторые события на протяжении 20 лет.

Уральские казаки сами, вероятно, скажут, поскольку правильно или неправильно отобразил автор быт их второй половины прошлого столетия. Нам, во всяком случае, кажется, что автор хотел отнестись к своей задаче добросовестно. К сожалению, он некоторыми местами — фальшивыми, лубочно-грубыми, продиктованными телерешением желанием вести большевистскую пропаганду задним числом, — испортил в своем романе многое. Особенно относится это к последней, третьей части романа.

Мы не знаем, кто такой автор. Талант его, во всяком случае, далеко ниже таланта Шолохова. Но, если бы из романа Правдухина выбросить все то, что привнес он в него в угоду теперешней Москве (а сделать это можно было бы без всякого ущерба для самого романа), получился бы не плохой роман на казачьи темы...

Любовь автора делится между любовью к казачьему и любовью к русскому. Но нам кажется, что любви к казачьему, особенно в первой части романа, у автора больше, чем любви к русскому.

Как и у Шолохова, и у Правдухина, знака равенства между Казачеством и Россией не ставится. Для характеристики некоторых тенденций автора приведем ниже несколько выдержек из первой части романа.

Автор любит Яик (весьма возможно, что он казак). Вот как у него встречаются яицкие казаки со своим родным Краем, возвращаясь с похода из далекой Хивы:

«Эх, и широки же уральские вольные степи! Здравствуй, седые, невянувшие ковыли, желтая чилинга, весенние, крутые ростоши, уютные ювраги, древняя река Яик, казачья дорога в море, стада мохнатых баранов, косяки звонкоголосых коней, гурты рогатого, тяжелоголового скота, и вы, лебеди степей, двугорбые и одnogорбые сыновья пустынь, верблюды! Поклон до земли зеленокудрым лугам, где растет веселая трава-повитель, кислый щавель, сизая, целебная ежевика, буйный венковый хмель, черный казачий виноград — колючий терновник. Кланяемся и вам, серебристые тополи, лохматые ветлы и старые осоки, взметнувшиеся в небо на излучинах реки! Любовь наша с Вами, рыжие яры, желтые, чистые пески, густые тальники по берегам, шумные перекаты и ворчливые омуты — пристанища осетров, белуг и ленивых черных сомов. Привет вам, покойные озера, старицы, заливы, ильмени и котлубани! По таинственному вашему дну ходят золотистые сазаны, темные от старости, жадные щуки, добродушные караси, скользкие лини, колющие, пестрые окуни с оранжевыми плавниками. Желтоглазые гуси, легкая казара, хлопотливые лысухи, жеманные гагары-поганки, разноперые утки, хищные, уродливые, как баба-яга, бакланы гнездятся в дремучих, увитых вековой паутиной ваших камышах. Уважение наше и тебе, узорнокрылый, черный беркут, нераздельный хозяин синих просторов, и тебе, голубоголовая дрофа дудак, величавый страж степных разлодий!

«Зной, пыль, бахчи, колодезные журавли с подвешанным, поломанным колесом, степные копанки и родники, ветряные мельницы, легкие перекаты-поле и вы, багровые зори, алые, широкие закаты, покрывающие весь мир горячей своей ладонью, сказочными городами висящие по вечерам над степью. — встречайте радостно своих земляков, скачущих с чужбины! Взойтесь, кони, махните через ювраги и ручьи, несите нас быстрее неуловимых сайгаков, быстрее степного вей-ветра к нашим статным родителям, к нашим хозяевам, румяным и крепким, как казанское яблоко, к лукавым душенькам, шаловливым и измен-

чиво-легким, как лебяжий пух на ветру. Скоро, скоро — поселок, к себе на двор, на теплую свою ятовь, где можно покойно зализывать раны, полученные в походе. Скоро, скоро — к своим станичникам, шабрам, дорогим гулебщикам, чтобы еще и еще, как в юности, петь уральские песни о тоске и удали, плясать отчаянного казачка и лихую, страстную бышеньку, стариннейший танец степных разбойников!.. К блинам, к пирогу, к чарке, к икряным берегам Яикушки!

«Выходите навстречу хивинским героям все линейные станицы — Свистунская, Вударинская, Либищенская, Мергеновская, Каршинская и своя Сахаровская! Здравствуй и ты, родная колыбель, поселок Соколинный!.. Твоя земля породила нас. На твоих полях мы росли. Плодами и соками твоих недр мы вскормлены с детства. Здесь, впервые, мы увидели солнце и реки, узнали раны и радость любви и бед смерти. Неужели же нам искать иных пелен и другой колыбели для немногих наших дней и последнего нашего смертного сна? Прими нас. Мы — верные сыны твои»... (Стр. 14-15).

Приведем ниже ряд выдержек, характеризующих (по роману, конечно, чего не следует забывать), как самих казаков, так их быт, их отношение к России, отношение к русскому крестьянину (мужику), к азиатским соседям и пр.:

Вот о казаках, возвращающихся с похода:
«Все они в бородах, в дремучих, густых зарослях. Для чужаков, для крестьян Оренбургской губернии, какую-нибудь неделю тому назад они выглядели глухо, чужо и дико. Зато как сердечно, лучисто зацвели они, когда переступили границы своей области, как весело заулыбались своей земле, знакомым сызмальства поселкам, родным станичникам»...

... «Казаки вприщурку, с ребячьей жадностью смотрели вперед. Счастье, нетерпеливое, сердечное напряжение, гордость переполняли их. Слева за Уралом лежала Бухарская сторона. Казаки поглядывали на азиатские степи глазами победителей. Им сейчас чудилось, что это скачут не они, ... а мчится по оранжевой пыли все уральское казачество, сломившее, наконец, непокорную Азию. Каждый из них нес на коне не только свое сердце, но сердца и кровь бабки-Гугнихи, Рыкечки Заморонова, иканских героев, всех своих предков — лихих яицких гулебщиков. На полторы тысячи верст отодвинули они Азию от Урала»... (Стр. 16).

«Малиновый цвет — уральский цвет. Когда он впервые зазел в этих степях? Не в одно ли время со степными зарницами и весенними тюльпанами? Старинные песни рассказывают, что еще в 1380 году казаки дрались на Куликовом поле с татарами, а в середине шестнадцатого столетия брали у них Казань.

«Пусть расчетливая Москва относит начало Уральского Войска к 1591 году, — они-то сами знают, что их бабка-Гугниха гораздо раньше пришла на Яик. Больше трех веков бились казаки, отстаивая свою жизнь перед азиатами и свою волю перед Москвою»... (Стр. 17).

... «Ивей Маркович поднебесно-высоким фальцетом затянул старинную песню о том, как рос на казачьих слезах и крови уральский край:

Где кость лежит

— там шихан стоит.

Где кровь лилась

— там вязель оплелась.

Где слеза пала

— там озеро стало... (Стр. 18).

«Казаки дома — в гостях у родителей. Так зовут они всех своих женщин. Казаки ревнивы, но не к домашности, а к рыболовным угодьям, к косякам коней. Их становые — река, луга, степи. Вспоминая на чужбине родину, казак редко помянет дом или двор; нет, он взгрустнет об Яике, сыне Горыныче, о соленых степях и реже о своей любимой, душеньке.

*) От ред. Подчеркнуто везде нами.

Горынычами казаки называют самих себя. Мнится им, что древние богатыри, их прародители, воровали горы и потрясли самую землю... (Стр. 31).

«Уральские казаки — «люди собственные», по их выражению. Природа, степь и река наложили на них отпечаток самобытности. «Однообразный и пустынный вид оной утомляет глаз путешественника», — писал о степи екатерининский ученый Паллас. Но казак привык к ней, любит ее, как и реку Яик, за размах, просторы и широту. Он и сам таков: смотрит открыто, шагает широко и смело, говорит с веселым, неустанным задором, работает редко, но с удовольствием. Казаки гостеприимно радушии к своим землякам, как Яицкие степи и река... (Стр. 32).

«И среди казаков других областей уральцы особый народ. Им удалось сохранить часть старинных обычаев своей общины, в то время как даже заносчивые донцы лишились их совсем... (Стр. 34).

«Соколинцы (герои романа — казаки поселка Соколинского. Ред.) глубоко и безотчетно любят свой край. Отечество для них здесь, на Яике, в своей общинной ватаге, в своем поселке... Остальной мир, даже годами живущие у них торговцы (русские. Ред.), поп, ремесленник, не говоря уже о батраках-киргизах, — люди сторонние, чужие, поганые. Казак и особенно казачка держатся настороже с глубокой фанатической опаской приглядываются к России...

«Соколинцы самонадеянно невежественны (читатель, не забывай, что написал роман «просвещенный» — партийный или беспартийный большевик! Ред.). Они, как и все уральцы, хотят жить отдельно и независимо от остального мира. Они боятся его, как зверя, и словно звери, не желают подчиняться новшества и цивилизации. Защищая границы Московии от азиатов, они не считают себя ее рабами, а хотя бы, по крайней мере, с ней равными.

«Казаки преданы реке, степям. Они охотно покоряются лишь законам природы. Рождают, растут, играют в отрочестве в альчи и клек, гоняют в пыли кубари. Позднее, так же безотчетно и привычно, как в детстве сосали грудь родительницы, обхаживают скот, ловят рыбу, стерегут семью и хозяйство, любят своих душенок и умирают, как деревья, как травы, когда приходит время бездумно и по своему мудро. По-новому или по воле, но с природой они живут в крепкой, сыновней дружбе. Человека они жалуют меньше. И разве только две неуклюжих ветрянки на степном сырту за поселком, машущие по-ребячьи крыльями против ветра, своим старческим хрипом напоминают о нищей дерзости казака перед стихией... (Стр. 35).

... «Казаки исстари опасались всяких новшеств. Они не верили в добрые намерения властей. Они понимали и сейчас, что новые права(?) по существу прикрывают последний грабег их старинных вольностей. Санкт-Петербург постепенно — хитро и осторожно — прибирал казаков к своим рукам.

«Газета «Уральские войсковые ведомости» рассказывала об этом непрерываемо. Все знали: напечатано в ней, так и будет. В ней приказы царя, распоряжения наказного атамана.

«Большой лист взмахнул желтыми совиными крыльями над толпой.

— Так-то, старики. Конец приходит нашей вольности. Мужиков поселят у нас, земли наши поделят. Ивей Маркович выскочил вперед, как ошпаренный, рванул Георгия на груди:

— Землю не отдадим!..

... «Зашумели казаки... Разве впервые им приходится сшибаться лбами с Петербургом, как раньше с Москвою? Нет, знакомство их состоялось давно. Кровавыми рубежами взрыта вся их история, начиная с ХУП столетия... (Стр. 40-41):

«В 1772 году вспыхнула уже открытая война между Москвою и Яиком...

«Под защитой хоругвей, икон и святых песнопений мятежники вырезали грудь своему атаману Тамбовцеву, чтобы вырвать сердце, предавшееся на сторону Москвы. Они расправились и с генералом Траубенбергом, приехавшим чинить следствие. На реке Утве казаки потерпели тогда жестокое поражение в

открытом бою с генералом Фрейманом и все — с детьми, женами и имуществом — кинулись за Чаган. Пошли искать новый край, сказочное Беловодье. Их возвращали силой. Сто тридцать человек было казнено. Многих секли кнутом и отправили в Сибирь...

... «Закачались тела офицеров и царских чиновников на перекладинах.

— Кровью мы приобрели Яик и нашу землю. Кровью и продадим!

«Торг был упорный и длительный, пир — широкий и буйный. Похмелье — страшное. Ссылка в какому-то почиталась милостью. Секли до смерти кнутами. Драли ноздри. Сажали на колья. Четвертовали. Подымали крючьями за ребра. Жгли огнем. Кожей, кровью узнали тогда казаки суровую заповедь грядущих веков. Впервые услышали в Екатерининских приказах слова: «европейская цивилизация» и накрепко запомнили их даже у себя в станицах.

«В самых глухих форпостах стала слышна железная поступь крепнущего государства. Оно, как море реки, вбирало и стягивало в себя окраинные, казачьи ручьи. Не стало реки Яика. Приказом от 15 января 1775 года царица повелела, «для совершенного забвения несчастного происшествия сего на Яике», именовать реку Уралом. Общинная самостоятельность у казаков была отнята. Над городом поставили сермяжный, солдатский гарнизон. Уничтожили навсегда войсковой Коуг... (Стр. 43):

... «Казачество окончательно покорено государством. Но оно еще мечется в поисках спасения своей общины. В шестидесятых годах (прошлого века. Ред.) уральцы посылают казака Головинского поселка Варсонофия Барышникова с двумя подручными с наказом — во что бы то ни стало разыскать святую страну Беловодье, чтобы выселиться туда всем войском... Барышников и Кабаев ищут по свету легендарное Камбайское или Опонское царство. Едут в Константинополь, в Малую Азию, посещают Малабарский берег и даже Ост-Индию. Но рая земного нигде нет. Казакам некуда податься.

«И вот наступает последняя открытая схватка с Петербургом... (Стр. 44).

... «В городе (в Уральске, в 1874 году. Ред.) не хватало мест для арестованных (казаков. Ред.). Каждый день из степей солдаты приводили новые партии непокорных казаков и каждый день гнали их дальше — в Оренбург, Саратов. Пороли на глазах населения плетями. Совершали над арестованными гражданские казни: брили левую сторону головы, читали позорные приговоры, ставили на срамной столб. Отовсюду, куда ни повернись, со стен смотрели грозные бумажки... В газете «Уральские войсковые ведомости» публиковались приказы наказного атамана, где по высочайшему повелению казаки сотнями исключались из рядов Яицкого Войска...

... «Все арестованные соколинцы ссылались в Аму-Дарьинский край Тургайского военного округа. «Способных к труду употреблять на казенные работы, неспособных расселять по городам и укреплениям степных областей». Петербург хотел обеспечить свои дальние границы, освоить новый край — и одновременно уничтожить остатки вольницы на Яике... (Стр. 95).

А вот картина высылки:

«Василист (один из героев романа. Ред.) решил было пойти за отцом и дядей, но его не пустили: через три года он был обязан явиться на военную службу. Ссылным вообще не позволяли взять с собой семьи. Людми начальство распоряжалось, как скотом. Отбирало, гуртовало и рассылало в далекие края. (То было при русских царях? А теперь, при русской «рабоче-крестьянской» власти как? Ред.).

Василист провожал казаков.

«Арестантов только что переправили через реку Урал. Многие из них помогают лошадям тащить по песку телеги, нагруженные скарбом... Почти все станичники седобороды, плечисты, поролисты... Их окружают серые солдаты со штыками. Казаки смотрят на солдат хмуро, исподлобья. Не разговаривают с ними...

... «Дядя Маркел... поднял голову, увидел Васи-листа и крикнул:

— Скажи домою, Василька! Веселого тут мало... Пуще глаза береги свою казачью сноровку! Храни и Яик! Злей отбивайся от гнуса! Прощай!..

«За Уралом в тальниках трое казаков неожидан-но бросились наутек. Их скоро схватили. Полк. Половинкин приказал ту же высечь беглецов нагайками. Затем всех арестованных, около тридцати человек, связали веревками: петлей вокруг и всех на один канат... Седобородых станичников выстроили цепью и погнали по степи. Матерщиной, кнутами, прикладами понукали и гнали их унылые, запыленные солдаты.

«Солнце нещадно припекало. Казалось, вот-вот седой ковыль закурится и вспыхнет, как порох, и вся земля задымится, словно ад. Пыль лезла в глаза, нозд-ри, рот. Станичники спотыкались, падали. Их силой подымали и гнали дальше.

За день приказано было пройти тридцать пять верст. Засеченные в кровь беглецы валились с ног уже на первой версте. Один из них — бородатый, се-дой — уже не мог подняться и хватал воздух ртом, как рыба.

— Стой, братцы! Помирает братан-то наш! Стой! — отчаянно завопил высокий старик.

Сзади к нему подскочил на белом коне полков-ник и ударил его по спине нагайкой:

— Иди, не оглядываясь, сволочь! Я тебе покоман-дую, бестия!

К половине перегона все трое беглецов были уже без памяти, но и тут полковник не разрешил по-ложить их на телеги. Их пытались тащить соседи на скрещенных по детски руках, но сами выбились из сил, и тела упавших теперь уродливо волочили по пыли... (Стр. 96-97).

Вот письмо ссыльных из Хивы:

«Родные вы наши, атаманы-казаки поселка Со-колиного! Шлем мы вам сообщение о нашей горькой судьбе. С нас в Казалинске опять затребовали под-писку, что мы по собственному, изъясненному в Уральске, желанию, следуем на поселение. Мы друж-но отвечали: «Не желам!» Полк. Косырев кричал на нас: «Сила в руках правительства и я вас все одно поселю». Мы пали на землю и идти не хотим. Нас вязали, били шомполами и прикладами, нагайками в кровь, валили, будто дохлых чебаков, на телеги. Мы упирались, что было силы. Многие от боев кончи-лись. Помер на наших глазах и шлет прощальные по-клоны вам Бонифатий Ярахта... Не было никому по-щады — ни старцам, ни героям Иканской битвы, вы-служившим Георгия... (Стр. 103).

«Через три года после высылки казаков пришло разрешение, теперь уже в форме приказа, отправить семьи, жен и детей ссыльных, туда же в Туркестан...

«Как овец на продажу, сгоняли казачек со всей области в Уральск. Из города отправляли этапом на Оренбург, а там дальше — в Туркестан.

«Казачки и сами никогда еще не видели такого скопища женщин. Никому из станичников не прихо-дилось слышать столько стонов, реву и визга. Казач-ки оказались воинственнее своих мужей. Они не пер-еставали ругаться с конвойными, вступали с ними в драку, оказывали им на каждом шагу яростное со-противление...

... «Казачек грузили на паром. Высоко над ре-кою, на вершине красного яра, стояло десятка два ка-заков. Даже согласникам («Согласники» — казаки, соглашавшиеся с мероприятиями правительства. Ред.) не так-то уж легко было глядеть, как солдаты пинали казачек, били их по рукам, цеплявшимся за перила парома. Разве можно было думать, что в сво-ей же области, на берегах седого Яика, солдаты по-смеют чинить издевательство над уральскими роди-тельницами? Казачки упирались и ни одна из них не шла добровольно на паром. Их подталкивали прикла-дами, брали в охапку и тащили...

«Казачки сбились в кучу посреди парома. Их раз-ноцветные платья производили сейчас странное впе-чатление. Несмотря ни на что, они хотели сохранить свою казачью, форсистую выправку...

«Неуклюжий паром закружился и поплыл... Ка-

зачки заметались по деревянным мосткам. Они пада-ли в светлых сарафанах на колени, прямо на грязные бревна, мазали шелк и левантин дегтем с колес. Не-истово визжали, плакали, срывали с себя кокошники, бросали их в реку. Бились головами о помост...

... «Солдаты не знали, что с женщинами делать. Фомочка-Казачок укусила одного из конвойных за плечо и тот взвизгнул, как поросенок, и закрестился. Старухи плевали солдатам в лицо, пинали их ногами по животам. Забывая о женской стыдливости, подняв до живота юбки, Ирина Нестеровна и Фомочка-Казачок лезли на перила. Какие у них были лица! Рассы-павшиеся по плечам длинные их волосы не могли ук-рыть волчьей злобы и отчаянья...

... «У казачек образовалось что-то вроде церков-ного хора. Они сами пели над собою похоронную песню. Солдаты зажимали им рты, они кусались, ца-рапались и выкрикивали:

Ох, увы и горе, сокрушать нашу волю!

«Паром был уже на середине реки... За Уралом высоко метался тюжар.

Лишимся, братие, земных сластей,

Станем против земных властей!

Офицер затрясся от гнева, затопал ногою:

— Что вы глядите на них? Колите штыками! Лу-пите их в хвост и в гриву!

«Солдат... наскочил на молодую бабу и ширнул в нее острием штыка. Та взвыла, упала на пол и ча-сто-часто забила ногами... Тогда полногрудая, румя-ная Дарья-Гвардейка метнулась к офицеру, пала перед ним на колени и, безумно глядя ему в глаза, забормо-тала, как бы ворожа над ним:

— Ты чево, сатана? Ты чево это, окающий? Я вот тебя облегчу, человечий ублюдок! Ты у меня родишь, зараза! Троеручица, помоги!

«Казачка перекрестилась, выбросила неожидан-но вперед длинную руку и цепко, с силой уцепилась офицера между ног. Тот дернулся, присел, словно его ударили поленом по темени, взвизгнул от ужасной бо-ли, пал задом на плот, раскинув ноги. Тогда на него набросились все молодые женщины, человек пят-надцать с криками: «Ах ты, жеребец, дьявол, сатана, чорт, кобель!» — стали его ципать со всех сторон. Офицер извивался... Наконец ему удалось вырваться из бабьего кольца. Он бросился на сторону, казачки с ревом и визгом — за ним. Офицер в ужасе взмет-нулся на телегу и закричал пронзительно:

— Ой-ой! Караул! Спасите!

И прыгнул в реку... Дарья шагнула с парома в воду за офицером и, поймав его за шею руками, ста-ла душить:

А, сатана!.. (Стр. 106).

... «Казак.. не отводил глаз от... солдата. Тот сто-ял на краю парома, большим углом, по бычьим расстав-ным ногам и, словно после молотбы, вытирал подо-лом рубахи свое потное лицо. При виде его Васили-сту становилось легче: рождалась злоба. Казак думал: «Погодите, прилет время, и мы попадем к вам в Ра-сею»... (Стр. 107).

Вот короткая характеристика казачек:

«Казачки дерзки и заносчивы с чужими, смелы и горды перед станичными кавалерами»... (Стр. 32).

Вот еще несколько отрывков — быт, отношение казаков к пришедшим русским и к самой России:

«Вперевалочку, как утица, идет из бани пышно-телая, вечно улыбающаяся Катя, сноха Анны, жена брата Алаторцевых — Никиты. Никита, как и Ефим, на военной службе, где-то в России». (Стр. 7). (Зна-чит, Яик — не Россия! Ред.).

... «Приветливо взмахнула крыльями дырявая, рясная ветрянка. Да, да, родная, несмотря на то, что уже два года, как ее из казачьих рук откупил рыже-бородый гнусный самарский мужик Вольгин, мест-ный торговец вином, целовальник»... (Стр. 18).

... «На иногородних, приехавших людей он (казак) смотрит свысока, с пренебрежением. Не казаку даже проездом нельзя безнаказанно показаться на улицах форпоста»... (Стр. 34).

... «Как птицам древние их перелеты, привычно казакам это большое рыболовство. Каждую осень от-

правляется войско на лодках от поселка Соколиного вниз к Каспию, разбивая богатые ятови на плавенных рубежах... Следом за войском, галдя и кружась, летит птица... Завтра птицы начнут драться меж собой из-за пищи... Вместе с ними, так же жадно следя за работой казаков, затрясутся кулями в тарантасах купцы из **Москови** — неуклюжие и хищные тетюхи, похожие на жирных бакланов. Торговцы суетятся, гнусаво галдят, стараются подпоить казаков, чтобы выгоднее скупить у них богатый улов. Тех и других — бакланов и купцов — уральцы **презирают и ненавидят**. Так и зовут они крупных торговцев бакланами, мелких — мартышками-рыболовами... (Стр. 113-114).

Вот религиозный штрих:

«Большинство соколиков — закоренелые старожилы самых различных толков: беспоповцы, бегуны-странники, никудышники, австрийцы. Первая единовещерская церковь появилась лишь в 1837 году в Са-

харновской станице... Большинство казаков поглядывают на нее хмуро. Их мутит от шеренги и однообразия даже в религии... (Стр. 31).

Степная лирика:

«Василист глядел в даль. Ранняя осень шла над полями — спокойная, счастливая и ясная. Куда ни взглянешь, земля открывается голубыми и синеватыми просторами.

«На перекрестке большой дороги и степного проселка Василист наткнулся на башенку из арбузов и дынь. Это бахчевники слесжили их здесь для проезжих. — Старинный обычай, привычный для казаков, как крепкое знамение...

«Казак поднял на ладонях самый большой арбуз, холодноватый, блестящий и пестрый. С размаху ударил им о травянистую землю. Арбуз засмеялся в лицо казаку свежесмалиновыми, как его околыш, крупичатыми половинками... (Стр. 9).

Походному Атаману

БАТЬКО АТАМАН!

С чистой радостью в сердце поздравляем Вас, как глашатая неустанной проповеди о Казачьей Воле и Доле, — на посту редактора **первого казачьего национального журнала «Вольное Казачество»**... в продолжении 10 лет!..

С высоты казачьей национальной трибуны, какую в течение означенного времени представляет собой редакционный стол журнала «ВК», преподано уже более чем достаточно уроков о том, как **надлежит любить Казачий Народ и что надо делать для его спасения**.

За 10 лет сделано уже многое в деле развития и укрепления казачьего национально-освободительного движения. Проповедь Идеи Казачьей Независимости отозвалась многотысячным эхом в казачьей эмиграции.

Дорогой Игнат Архипович, всегда помните, что мы — **казачья политическая армия**, созданная Вами — избранным вольными голосами Походным Атаманом — **готовы к бою!**.. Ведите твердой рукой нас к ясно очерченной цели — **созданию Казакции**...

Все, кто не с нами, тот против нас... Мы хорошо уже отличаем друзей Казачества от недругов Казачества.

В надходящей борьбе с поработителями Казачества мы, казачьи патриоты, рассчитываем идти в одну ногу с нашими братьями украинцами. Думаем, что они тоже захотят идти рядом с нами.

Ведите же нас смело и неуколебительно к победе и счастью многострадального Казачьего Народа!..

Слава Казакции!

Слава Вольному Казачеству!

Слава Походному Атаману В. К.!

Слава журналу «ВК»!

Округ В. К. во Франции:

Окружной Атаман — **А. Ленивов**.

Окружной Писарь — есаул **И. Кувиков**.

Окружной Казначей — подхор. **Е. Шаншиев**.

- В. К. станица имени А. И. Кулабухова в г. Париже:
Атаман — войск. старш. **И. Плавов**.
Пом. атамана — есаул **М. Колесов**.
Писарь (и. д.) — подхор. **С. Федосеев**.
Казначей — подхор. **Г. Павлов**.

- В. К. станица имени Атам. К. Булавина в г. Туркуане:

Атаман — сотник **А. Дронов**.

Пом. ат. — подхор. **И. Кривососов**.
подхор. **И. Антипов**.

Писарь — **И. Лаштабег**.

Казначей — **М. Красноплахтов**.

Доверенные — **А. Кошевой**.
И. Смагин.

- В. К. станица имени ген. Т. М. Старикова в г. Ромба:
Атаман — хорунжий **М. Ассерецков**.
Пом. ат. — **А. Шевченко**.

Писарь — сотник **Ф. Карманский**.

Доверенные — под'есаул **И. Москалев**.
подхор. **Ф. Платонов**.

- В. К. станица имени А. И. Кулабухова в г. Тулузе:
Атаман — вахмистр **И. Хрипушин**.
Пом. ат. — урядник **И. Матякин**.
Писарь — хорунжий **Г. Гущин**.
Казначей — **И. Шерстюк**.

- В. К. станица имени Атамана Ермака в г. Южине:
Атаман — хорунжий **Д. Бочаров**.
Пом. ат. — **Н. Шелякин**.
Писарь — **В. Шилин**.

- В. К. станица имени Н. С. Рябовола в г. Дижоне:
Атаман — сотник **Я. Безгласный**.
Пом. ат. — подхор. **Г. Сорокин**.
Казначей — **И. Сорокин**....
Писарь — **К. Татарин**.
Доверенные — **Хавпун**.
Мищенко.

- В. К. станица имени Атамана Кухаренко в г. Монтаржи (Везин-Шалет):

Атаман — **А. Демченко**.

Пом. ат. — **И. Забиров**.

Писарь — **А. Вертий**.

Казначей — **В. Мокиенко**.

- В. К. станица имени полк. Евграфа Грузинова в г. Кнютанже:

Атаман — сотник **А. Ивашков**.

Пом. ат. — **И. Василенков**.

Писарь — хорунжий **И. Гуков**.

Казначей — **И. Соколов**.

Доверенные: — **К. Самсонов**.

И. Сергеев.

- В. К. станица имени Атамана Каледина в г. Крезе:

Атаман — **М. Белов**.

Пом. ат. — **И. Горелов**.

Писарь — **Г. Фурса**.

Казначей — подхор. **А. Мандрыкин**.

Доверенные — **А. Куш**.

И. Дерябкин.

- В. К. станица имени ген. Мамонтова в г. Каркасоне:

Атаман — под'есаул **И. Губин**.

Писарь (и. д.) — хорунжий **И. Марченко**.

Казначей — **А. Аверьянов**.

Доверенный — **Н. Палий**.

- В. К. станица имени Атамана И. Некрасова в г. Оше:

Атаман — **А. Ильинов**.

Пом. ат. — **Г. Илларионов**.

Писарь — **И. Нартов**.

Казначей — **К. Строганов**.

Доверенные — **К. Дьяченков**.

И. Мухомедов.

- В. К. станица имени Н. С. Рябовола в г. Бельфоре:
Атаман — **И. Тищенко**.

Пом. ат. — **Л. Лобанов**.

- ## Ответ ген. Малышенко

На странице 2-й читаем: «**Наши враги захватчики нашей матушки России и наших привольных Краев**».. Разрешите спросить Ваше Превосходительство, ка-

кой же нации эти захватчики? По нашему, это весь русский народ со своими профессорами, юристами, инженерами, художниками, генералами, артистами, со всем рабочим классом, старшим и младшим офицерским составом, с миллионной армией русского «христианского» войнства...

Мы можем назвать их захватчиками наших при-вольных Краев, ибо, как мы для них, так и они для нас — чужие люди...

Продолжаем читать Вашу информацию: «не складывает оружия (перед кем?) и ведет войну, войну не честную, свойственную их психологии, но жестокую и упорную, в которой они могут быть победителями. Печальный факт похищения Е. К. Миллера — тому указание... Еще более волнующий факт... предательство ген. Скоблина». — Похищение ген Миллера и предательство генералом генерала — только лишь раз доказывают правоту наших утверждений, что борьбу за освобождение наших Краев от захватчиков нужно раз и навсегда вести нам без русских генералов. Казаки должны делать казачьи дела только своими руками, своим умом. На эту борьбу мы должны отдать все свои силы, всю свою энергию, а если нужно — и свою жизнь. Русские же генералы пусть делают русские дела.

Дальше Вы пишете на стр. 3-й: «Нельзя, выходит, верить своему соседу, нельзя верить бывшему соратнику, не верится ныне ни старшему, ни младшему». — Мы, казаки националисты, давно перестали верить русским вождям всех политических партий. Можно ли еще раз вверить свою судьбу русским вождям после того, как эти «новые собиратели земли русской» и некоторые казачьи генералы, после почти трехлетней тяжелой борьбы с русскими большевиками (которыми командовали генералы старой русской армии), бросили казаков на произвол судьбы на черноморском побережье в марте и апреле 1920 года.

Мы нужны были «белым» генералам для создания единой и неделимой России, в которой они мечтали казачьими руками (русский народ на это не пошел) восстановить монархию, восстановить себя снова в своих правах на дворцы, заводы и земли, отнятые у них русским мужиком.

Новая русская власть, поддержанная русским народом, тоже боролась за единую-неделимую, только с новым «монархом» (Лениным) и она оказалась победительницей. Потерпев поражение, «новые Иоанны Калиты» (как Деникина называла русская печать во время разгрома Кубанской Рады и повешения А. И. Кулабухова) сели на пароходы, посадили своих чад и домочадцев, с самоварами и чугунами, погрузили параллельные бруссы, турники и Войсковых Атаманов и уехали в Крым... Нас же, казаков, бросили...

Скажите откровенно. Ваше Превосходительство, какая часть из русской Доблести осталась брошенной вместе с казаками на Черноморском побережье? Что бросили нас русские «белые» генералы, это понятно, ибо для русских людей Казачество всегда было только орудием выполнения желаний русского монарха и русского правительства... Русский царь и русский народ не любил казаков и всегда рассматривал их как невоспитанных, не культурных, которым можно только приказывать. В подтверждение сказанного сошлемся на слова покойного ген. Богаевского, которого нельзя назвать «орателем-болтуном», как Вам сказано в Вашей информации на стр. 3-й. Вот что пишет ген. Богаевский в «Казачьем Вестнике» № 4, за 1926 г., после зарубежного съезда: «Помните, что нас, казаков, никто не любил: ни русский народ, ни те, кто всегда смотрел на нас, на нечто низшее, плохо воспитанное, грубое, кому нужно только приказывать. Не любят нас, хорошо помнят все темное в прошлом и охотно забывают все доброе, что казаки сделали для России. Пусть нас не любят, это нас мало беспокоит, насильно мил не будешь. Мы не умели подлаживаться и были слишком горды именем вольного казака, никогда не знавшего рабства».

Но почему бросили нас Войсковые Атаманы, давшие присягу и клятву служить честно и верно только своему Народу, не щадя своих сил и здоровья, а если потребуется, отдать и свою жизнь?

О том, что Войсковые Атаманы давали присягу и клятву на верность своему Войску, уже в эмиграции, ген. Богаевский в «Казачьем Вестнике» №5-6, за 1926 г. пишет: «Линия выборных Атаманов опре-

делены самими казаками еще на Родине и предугазаны казачьими Конституциями. Войсковые Атаманы этим конституциям присягнули и клятву свою исполняют».

Что же мы видели в прошлом и что видим теперь?

В прошлом Войсковые Атаманы бросили нас на Черноморском побережье и со своими патронами, которым служили и подчинялись беспрекословно, сели и уехали в Крым (значит, изменили своей клятве и присяге). И теперь призывают казаков спасти матушку Россию от русских же, а Казачество у них на втором плане.

Для нас теперь стало ясно и понятно, что бывшие Войсковые Атаманы как там, на Родине, так и здесь служили и продолжают служить русскому народу. Для них русские интересы оказались выше интересов казачьих.

На стр. 3-4 читаем: «Круг замыкается... Обстановка требует дела и людей, умеющих делать это дело. Мы обязаны найти себе голову... Где же эта голова? Где же этот человек? Где же он? Казаки вообще и кубанцы в частности имеют! Это наш Войсковой Атаман!».

Итак, Вы считаете Войсковым Атаманом Кубанского Войска ген. Науменко. А мы, казаки националисты, давно перестали считать его своим Атаманом и вот почему:

Еще на родине, во время казачье-русской войны, Кубанская Краевая Рада признала первым и неотложным своим делом создание своей Кубанской армии. Благодаря деятельности ген. Науменко — тогда военного министра, — Кубань не увидела своей армии. Не в его интересах было создавать Кубанскую армию, т. к. он и бывший тогда Войсковой Атаман ген. Филимонов, служили не своему родному Войску, а русским генералам, русским помещикам, русским бюрократам, бежавшим в наши казачьи земли от своего русского народа для спасения своих «драгоценных жизней». А эти последние пошли на все, чтобы не допустить создания Кубанской армии, ибо тогда им не с кем было бы идти на Москву.

Этим не ограничился деятельность ген. Науменко. Он не только не исполнил постановления Рады о создании Кубанской армии, но эта Рада в 1919 году, в ноябре месяце, была разгромлена Деникиным и Врангелем при активном участии и ген. Науменко. В довершение этого чудовищного действия, был зверски казнен один из лучших кубанских казаков А. И. Кулабухов.

Кроме всего этого, по приказанию ген. Науменко и других кубанских генералов, Кубанская армия откатывалась без сопротивления врагу на голодное Черноморское побережье, где и была брошена ими, оставив хлебобродную Кубань для русских людей...

Этой предательской работы ген. Науменко казак никогда не простит ему.

Продолжаем читать Вашу информацию: «Он немог, без денег, без нашей помощи и при расшатывании всякими «вождями» доверия. Дайте ему все это и он найдет возможность... вывести нас из бурсманской неволи, рабской доли». — А что же он, ген. Науменко, делал эти семнадцать лет, имея и доверие, и средства, что только на восемнадцатом году нашего пребывания в «бурсманской неволе» он вздумал нас «выводить»?.

Может быть Вы забыли о том, что ген Науменко имел и доверие, и средства? Разрешите тогда Вам напомнить об этом.

Первые годы нашего пребывания в эмиграции, Кубанский корпус, с переездом в Сербию, сводится в дивизию. Эта дивизия была в полном распоряжении ген. Науменко и беспрекословно ему подчинялась и слушала его. Но тогда не он распоряжался этой дивизией, как следовало бы Войсковому Атаману, а ген. Врангель, в распоряжении которого был ген. Науменко во время разгрома Краевой Рады. Ведь тогда не было ни «болтунов», ни «орателей», ни «вождей».

Какие денежные суммы были вывезены Кубанским Правительством, мы пока не знаем. Но хорошо знаем, что казаки давали свои гроши ген. Науменко. Удерживали же с казаков Кубанской дивизии, рабо-

тавшей на постройке шоссеиной дороги в Сербии, Вранье-Бесильград в кубанскую казну?

Жертвовали ген. Науменко в «Фонд Спасения Родины», согласно его приказа от 20-VI-1930 г., № 12. И этих взносов было собрано 107.781 динар. Отчет капечатан в «Кавказском Казак» № 4(118), за 1933 г. Жертвовали казаки и на постройку Кубанского дома в Белграде. Построили Дом? — Нет.

Давали казаки, потом и кровью добытые гроши на поездку ген. Науменко в Америку. Ездил? — Нет.

Кубанские казаки широко откликнулись на призыв ген. Науменко и охотно давали свои гроши до тех пор, пока окончательно не убедились, что и здесь работа его направлена главным образом для спасения «матушки» России.

Можно ли еще дальше верить ген. Науменко и доверять ему свою судьбу после того, что сделали им раньше, и где гарантия, что и теперь он не будет подчиняться и слушать «белых» вождей и вместе с ними разрешать русский спор между белыми и красными? Кто может поручиться, что эти «всизиди», как ген. Скоблин, не загонят самих Войсковых Атаманов и нас, казаков, туда, куда загнали ген. Кутепова и Миллера?

Нет! Мы, казаки националисты, больше не верим и не собираемся верить ген. Науменко и Вам вместе с ним.

«Поставить на место (а придет время и повесить) всякого злопыхателя»... — За эти Ваши слова, за Вашу откровенность, разрешите поблагодарить Вас. Теперь мы будем знать, что в будущем нас будут ставить к стенке и вешать только за то, что мы не желаем больше служить русскому барину, все равно какому — красному или белому.

Ваши угрозы уже не запугают нас и мы будем продолжать идти казачьей национальной дорогой и служить только Казачеству. Глубоко верим, что мы

отстоим свое право на свою независимость и создадим свое объединенное казачье государство Казакцию.

Вам же советуем продолжать служить русскому барину, который, используя Вас до конца, потом (в чем мы абсолютно уверены) выбросит, как выбрасываю всюкую ненужную вещь. А за Вашу службу матушке России, а не своему родному Войску, мы не будем Вас вешать, ибо Вы уже бессильны остановить Казачество на пути его национального возрождения, а только выдадим Вам соответствующую «карт д'идантите»...

Дальше, на стр. 4-5 читаем: «нашими помощниками и руководителями должны быть и будут: вера в Россию, любовь к Войску и надежда на самих себя и на Атамана, нас представляющего по нашей воле».

Ваш лозунг — «Вера в Россию». Значит, нужно верить и красной России, ибо другой России нет, и едва ли когда она будет. Кто сейчас поручится, что красная Россия не будет существовать триста лет, как существовал дом Романовых?

А наш лозунг: Казакция — наша Цель, наш девиз — Казачья Воля!

«Любовь к Войску, надежды на самих себя и на Атамана, нас представляющего по нашей воле»... — А мы заявляем: Любовь к Казачеству ставим выше всех личных интересов и будем служить только ему.

Можете быть совершенно спокойным, — надемся только на самих себя и на своего Походного Атамана, искать себе другого не собираемся. Мы его выбрали и будем поддерживать и морально и материально по силе своих возможностей. Глубоко ему верим — в его честность и безграничную преданность Казачеству!

Да здравствует Казакция! Долой оккупантов!

Атаман станицы: И. Тищенко.

Помощник атамана: Лобанов.

Писарь-казначей: Ф. Жуков.

Казачья эмиграция

ВК в Германии

В ГАННОВЕРЕ.

12-го декабря был назначен станичный сбор ВК Ермаковской станицы для переизборов станичного правления и для празднования 10-ти летия выхода в свет первого номера журнала «ВК».

Сбор был назначен на 2 часа дня, но уже перед обедом многие, проживающие вне Ганновера, прибыли. Встречи с казаками были самыми сердечными. Спросы, расспросы; делились новостями. Все выражало благодарность атаману станицы.

Когда пришел час открытия сбора, атаман попросил занять места, а затем открыл сбор и поздравил всех с ВК праздником.

Затем приступил к докладу о деятельности станичного правления за истекший год. Доверенные, после проверки станичной кассы и денежных книг, доложили сбору, что книги велись исправно, расход станичных денег велся целесообразно.

За такую деятельность станичного правления сбор выносит ему благодарность. Правление слагает свои полномочия и атаман ст. Лосев предлагает занять председательское место В. Е. Косолобову, как старшему среди казаков по возрасту.

Заняв место председателя, ст. Косолобов сказал краткое слово, которое тронуло всех казаков.

Затем было приступлено к выборам. Сбор единогласно просил старое правление остаться на 5-й год, т. к. оно четыре года проработало честно и с пользой для Казачества.

Таким образом, правление на следующий год осталось в составе: атаман станицы П. Т. Лосев, помощник и казначей — И. В. Буянов, помощник Г. Д. Мартынов. Доверенные: Г. Л. Людеков и В. Е. Косолобов.

После выборов, станичный атаман занимает председательское место, от своего имени и от имени станичного правления благодарит сбор за оказанное доверие и обещает это доверие оправдать.

Станичный сбор выражает благодарность всем тем, кто поздравил станицу с ВК праздником, особенно хуторского атамана Д. Ф. Тырина, который честно

и открыто дал слово работать с станицей на пользу ВК.

Затем сбор постановил приветствовать Походного Атамана, а в его лице и всех окружающих, станичных, и хуторских атаманов и всех вольных казаков с праздником 10-ти летия.

Отмечено было, что, несмотря на то, что Походному Атаману в его движении по казачьей дороге всегда ставили препоны, чтобы сбить его и казаков с правильного пути, но ничья такая «работа» до сих пор успеха не имела.

Пусть Бог пошлет сил ему и здоровья для службы Казачеству.

После закрытия сбора, станица скромно отметила 10-ти летний юбилей журнала «ВК». Время прошло в разговорах о Казачестве и его борьбе за свое бытие. Закончился праздник казачьими песнями и танцами, в которых особенно показал свое мастерство Людеков. Бурю восторгов вызвало исполнение 6-ти летней дочерью атамана «казачка».

Праздник на этом и был закончен. Атаман станицы поблагодарил казаков, гостей и представителей местной власти, которые особенно внимательно относятся к казакам.

Расходясь, казаки просили атамана станицы Лосева принять все меры к тому, чтобы созвать в Германии съезд казаков. Желательно было бы, чтобы съезд состоялся в Ганновере. Просим так же пригласить на съезд и Походного Атамана.

Станичный атаман: П. Т. Лосев.

Помощники: И. В. Буянов.

Г. Д. Мартынов.

ВК в Греции

† В. И. ПЕРМЯКОВ.

2-го ноября с. г. в 7 часов вечера, после четырехмесячной тяжелой болезни, на 56 году жизни скончался вахмистр ВВД, станицы Ефремовской, Василий Иванович Пермяков.

Пять месяцев тому назад, как кузнец, покойный

молотком ушиб себе левую руку. Было сделано несколько уколов, сделана была и операция, но все было напрасно — произошло заражение крови.

Похороны состоялись 3-го ноября, при участии всех казаков, местного населения и гречанок, живших раньше в Казачьих Облестах. Большинство оставалось всю ночь у тела покойного, а когда стало светать, пришли и остальные. Деятельное участие принимал в похоронах русский С. А. Левашев, которому казаки выразили благодарность.

В назначенный час выноса тела пришел священник с хором и хоругвями и, после краткой литии, траурная процессия двинулась в церковь Архистратига Михаила.

Во главе процессии казаки, кто в форме, кто в штатском, несли четыре венка. Особенно выделялся большой венок живых цветов, перевитый национальной казачьей лентой с надписью: «Дорогому другу В. Пермякову — ВК хутор в Воло».

Посреди процессии шел священник с хором и хоругвями, а шествие замыкал гроб покойного, который несли на руках шесть казаков по-переменно. Тело покойного в гробу было покрыто национальной казачьей лентой, а гроб — национальными флагами — Казаккии и Донским.

После отпевания в церкви, процессия в таком же порядке двинулась на кладбище.

Большая колонна людей — друзей и знакомых, пришедших проводить покойного к месту вечного упокоения, по-пути к кладбищу, все увеличивалась. Много присоединялось местных жителей. По улице было слышно: «Козакос, козакос!».

На кладбище была отслужена лития. На могиле поставлен пока простой деревянный крест, но его зять, **А. И. Клименов**, принявший на себя расходы по похоронам, обещал со временем поставить настоящий памятник.

После смерти покойного осталась жена, дочь (замужняя) и 6-ти летняя внучка.

— «» —

Покойный родился 10-го июня 1881 года. Действительную службу служил в Донском полку.

В великую войну был вахмистром и за отличия в боях имел 3 георгиевских креста и георгиевскую медаль.

В войне с большевиками был ранен два раза и с донскими частями эвакуировался на о. Лемнос. Оттуда попал в Грецию, где все время занимался кузнечным ремеслом, совместно со своим зятем. Своим трудом нажил дом и большое хозяйство.

В ряды ВК вступил в 1932 году и до самой смерти состоял членом хутора в Воло. Был помощником хуторского атамана, а последнее время и хуторским атаманом.

Мир праху твоему, дорогой наш станичник! Пусть будет тебе легка чужая земля, тебя приютившая!

Сообщил: **Ефим Левин**.

ПЕЧАЛЬНАЯ ВЕСТЬ ИЗ-ЗА ОКЕАНА

† **И. Д. Корнилов**.

19 октября с. г. в 5 часов вечера, при джигитовке упал с лошади казак станицы Владимирской **И. Д. Корнилов**. При падении сломал себе возле позвоночника

ного столба седную косточку. Сейчас же был доставлен в госпиталь, где была сделана операция, после которой он прожил всего десять часов и в ночь на 20 октября скончался.

20 октября я получил две телеграммы: одну из цирка, а другую из госпиталя с запросом, что я намерен делать с телом покойного. Вероятно, покойный перед смертью указал, что я его родственник.

Несчастный случай имел место на мексиканской границе в Штате Луизиана. Это от Нью-Йорка далеко. Я посоветовался с казаками и все в один голос заявили, что, что бы это ни стоило, нужно доставить тело сюда и похоронить на кладбище, где похоронены кубанские казаки: С. Ф. Шелухин, инж. Булавин и другие.

На мой запрос телеграммой, сколько будет стоить доставка тела в Нью-Йорк, был получен ответ: «в цинковом гробу 500 долларов, а в деревянном — 260 дол.

Я выслал 260 долларов и тело 24 октября было уже в Нью-Йорке. Сначала покойного завезли в похоронное бюро, переодели в казачью форму, а вечером в 6 часов гроб с телом был перевезен в Храм Христа Спасителя и сразу погрузился в массу цветов. Громкий крест из живых цветов был от обще-казачьей станицы в Нью-Йорке, членом которой состоял покойный; от Терско-Кубанской станицы; от казаков кубанцев; от горцев; от казаков джигитов; от цирка и от многих друзей и знакомых. Панихиду служило два священника и пел казачий хор. Народу была почти полная церковь. Гроб с телом покойного, по моей просьбе, ночевал в храме, — а во вторник в 10 часов утра была отслужена заупокойная обедня, при большом числе молящихся. Цел опять казачий хор.

На похороны было израсходовано более 500 долларов. Но казаки, как кубанцы, так и других Войск, отозвались очень дружно, в особенности атаман и члены обще-казачьей станицы, в которой состоял покойный.

Покойный Иван Давидович Корнилов родился в 1901 году в станице Владимирской. Окончил высшее начальное училище. Во время войны с большевиками участвовал в боях, был контужен и произведен в урядники. От вражеской пули его хранил Бог, но смерть подкосила молодого лихого казака преждевременно. Покойный симпатизировал ВК движению. В цирке, как джигит, работал почти все время.

Спи же в могиле сырой на чужбине далекой, честный казак наш молодой.

Вечная тебе память!

Твой станичник старый казак **Ф. А. Пахомов**.

П. С. Если кто из родственников или друзей покойного **И. Д. Корнилова** захочет подробно узнать о его смерти, то мой адрес такой:

Mr Pahomoff, c-o Matvienko, 1830 Washington ave. (Bronx) New-York. USA.

ВК во Франции

В ТУЛУЗЕ.

20-го ноября в день 18-ой годовщины мученической смерти члена Кубанской Рады **А. И. Кулабухова**, правлением ВК станицы было устроено траурное собрание, посвященное его смерти, учиненной «братьями во Христе» — вождями Добармии, при энергичном содействии казачьих Иуд...

В своем вступительном слове атаман станицы напомнил, как здесь, в чужих странах, народ чтит память всех тех, кто жизнь свою отдал на алтарь отечества и своего народа.

Каждый год мы бываем свидетелями, как здесь, во Франции, в день мученической смерти Жанны д'Арк перед ее памятником происходят военные парады, а гражданские власти и отдельные организации у подножья памятника кладут цветы — знак любви и преклонения перед памятью героини.

Второй пример — день окончания последней войны. В этот день почти все население городов Франции собирается у памятников жертвам войны...

А что мы делаем? Есть ли у нас хоть частичка любви к жертвам за казачье дело?

После вступительного слова, атаман прочитал, как и при каких обстоятельствах и при чем содействии был повешен народный избранник.

Это сообщение произвело большое впечатление на собравшихся. Случайно присутствовавший на собрании старик донец заявил: «Я никогда на казачьих собраниях не был и впервые слышу, как издевались русские вожди над нами, казаками».

Спите-же спокойно, мученики за казачью Волю, ваши страдания и муки мы, живые, оценим достойно. Сообщил: **И. Х.**

В ВЕЗИН ШАЛЕТ.

Памяти **А. И. Кулабухова**.

21 ноября с. г. в 7 часов вечера в помещении украинской громады ВК станицей была отмечена 18-я годовщина трагической смерти члена Кубанской Рады, члена Парижской делегации **А. И. Кулабухова**.

Открыв собрание, атаман станицы **А. Н. Демченко** прочитал реферат о жизни и деятельности покойного, как проводника тогдашнего самостийнического движения в среде Кубанского Казачества. Докладчик напомнил при том казакам и о других героях Казачества, о вожде казачьей вольницы **Степане Разине**, о светлом образе **Кондратия Булавина**, поднявшего знамя казачьей независимости, о **Е. Пугачеве** и уже в нашу эпоху погибших за казачье имя — **Каледине**, **Бардиже**, **Назарове**, **Караулове**, **Рябоволе**.

Закачивая свой реферат, **А. Н. Демченко** подчеркнул: **неужели еще и теперь казачий народ, стоящий под Московским кровавым гнетом, а также и казаки, в изгнании находящиеся, в будущей борьбе за свою независимость сляты не поддержат своих национальных вождей и снова пошлют их на казачью Голгофу?**

Потом было предоставлено слово станич. **С. Т. Ткаченко**, который более подробно нарисовал картину, как Москва «белая», нашедшая гостеприимство в казачьих краях, делала свое преступное дело и что делала и делает теперь Москва «красная».

Как встарь, так и в наше время происходило одно и то же явление — подкуп и измена... И всегда Москва, какая бы она ни была, находила «доброхотов» среди казаков, которым свои личные цели были дороже, чем цели всего Казачества. Так было и в ноябре 1919 г. в сердце Кубани, когда роль предателя играл б. в то время Войсковым Атаманом ген. **Филимонов** и его ближайший помощник б. военный министр Кубани ген. **Науменко**. В доказательство приведем то, что о них написали те лица, кому они делали услугу. Так, например, ген. **Деникин** в «Очер. рус. смуты» и ген. **Врангель** в «Белом Деле» расска-

зывают нам об этом. Вот, напр., письмо ген. **Филимонова**: «в событиях последних дней на Кубани для меня лично оказалось самым тяжелым — это, переданность моего пребывания на посту Кубанского Атамана мне через третьих лиц, Ваше мнение о непримеманности. Являясь убежденным и последовательным сторонником идеи воссоздания России, я ни одной минуты не мыслил работать без Вашего сочувствия и доброжелательства. Поэтому, как только я узнал, что этих условий в настоящее время нет, я немедленно, несмотря на единодушное доверие Рады, сложил с себя полномочия».

Необходимо добавить, что это он, ген. **Филимонов**, заманул к себе во дворец **А. И. Кулабухова**, откуда его и взял живым ген. **Покровский** прямо на виллиту.

В «Белом Деле», т. V, стр. 214, 243 ген. **Врангель** пишет о ген. **Науменко** вот что:

«С ген. **Филимоновым** разговаривать было бесполезно. К сожалению, недостаточно твердый, не решительный, он потерял почву под ногами и выпустил власть из своих рук. Я решил посвятить в дело ближайшего помощника его, исполнявшего должность Походного Атамана и н-ка военного управления ген. **Науменко**. Последний, весьма разумный человек, отлично отдавал себе отчет о необходимости изменить существующий порядок вещей. После обеда у Атамана, я с генералами **Покровским** и **Науменко** беседовал весь вечер. Я изложил намеченный мною план действий, который и был, в конце концов, всеми принят (стр. 219). На второй же день прибыл ко мне ген. **Науменко** в Кисловодск и мы подробно обсудили дело. Ген. **Покровский** должен был произвести аресты **Кулабухова** и ряда других лиц и немедленно предать их военно-полевому суду, каковой должен был быть сформирован при имевшейся у него бригаде полк. **Буряка**. Дабы не ставить Атамана в тяжелое положение и тем еще более не осложнять вопрос, я просил ген. **Науменко** переговорить от моего имени с ген. **Филимоновым** и постараться убедить его сложить с себя атаманское звание (стр. 231). Я тут же написал соответствующее предписание ген. **Покровскому**, которое и передал ген. **Науменко** для вручения его ген. **Покровскому** лишь после того, как Атаман примет решение».

Предписание это кончалось так:

«Арестованных лиц немедленно предать военно-полевному суду, каковой сформировать при бригаде полк. **Буряка** и приговор суда привести в исполнение безотлагательно (стр. 231)».

Вот вам, братья казаки, те, благодаря которым наши братья и сестры несут там тяжелый крест, роют каналы, рубят лес, заселяют тундры, наполняют подвалы «Чека», а мы здесь, на чужбине, все еще не можем опомниться от «белой мечты» и плетемся в хвосте провалившейся идеи «единой-неделимой»... 18 лет прошло, как наши там изнывают в красном плену, а мы все еще не можем открыто сказать **кто** мы. На наших глазах русские предают один другого тем, с кем недавно боролись. Присмотритесь хорошенько и заметите, что «белые» начинают уже краснеть и в одно прекрасное время они могут сказать: «ну, что ж, были грехи, но больше грешить не будем... мы все русские люди»...

Не нужно забывать, что русская эмиграция, — это продукт русской революции: русские выгнали русских. Мы же, казачья эмиграция, есть нечто иное. Мы выброшены из родной хаты пришлыми русскими.

Итак, братья казаки, в ком бьется казачье сердце, кому дорого Казачество, смело и гордо, с открытой душой, становитесь в ряды казаков **националистов** и с Божьей помощью — все за работу! Каждый должен принести на алтарь Казачества свое знание и умение.

Так с Богом, вперед!

Слава ВК!

Сообщил: **С. Ткаченко**.

—«»—

(Не вошедшая в этот номер часть «Казачьей эмиграции» будет помещена в следующем номере).

Увеличение подписной платы

Ввиду большого вздорожания стоимости типографских работ, мы вынуждены увеличить хотя немного и размер подписной платы за наш журнал во Франции, а именно — вместо 80 франков — 100 франков в год и 50 франков на пол года.

Принимается подписка на 1938 год

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО -- ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год.:	цена отдельного номера:
Во Франции	50 фр.	100 фр.	5 фр.
В Чехословакии	50 кр.	100 кр.	5 кр.
В Болгарии	150 лева	300 лева	15 лева
В Румынии	200 лей	400 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0,50 мк.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0,20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции почтовых марок на 1 фр., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: Mr. I. Bilyi: 109, rue Erlanger, Paris 16.